STUDIA PHILOLOGICA

Якоб Гримм

ГЕРМАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Том II

Перевод
Д. С. Колчигина

2-е издание, дополненное

Издательский Дом ЯСК
Москва 2019

УДК 82/820
ББК 82.3(3)
Г 84

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Гримм Якоб

Г 84 Германская мифология. Т. II / Пер., коммент. Д. С. Колчигина. Под ред. Ф. Б. Успенского. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 976 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907117-31-0 (т. II)
ISBN 978-5-6040760-6-4

«Германская мифология» — фундаментальное исследование, посвященное историческому мировоззрению континентальных германцев и принадлежащее перу Якоба Гримма (1785—1863), одного из крупнейших языковедов XIX века, старшего из братьев Гримм. Книга оказала всестороннее влияние на целое поколение ученых и стала источником вдохновения филологов и этнографов по всему миру (в том числе и русских ученых). Вместе с «Германской мифологией» в фольклористике утвердилась новая методологическая школа, работающая с мифом как с живой частью языка, ядром непреходящей народной традиции. Во многих отношениях работа Гримма остается непревзойденным эталоном: в частности, это наиболее полный источниковедческий труд по данной теме.

В настоящем издании представлен первый перевод «Германской мифологии» на русский язык; перевод выполнен по наиболее полному, четвертому, изданию книги (завершено в 1878 году) без купюр и сокращений. В переводе разрешаются основные сложности, с которыми сталкивается современный читатель оригинала «Германской мифологии»; полностью переведены все содержащиеся в книге цитаты на разных языках, древних и новых, текст снабжен списком литературы и комментариями. Многоязычный цитируемый материал составляет не менее трети всей книги и не переводился ни у автора, ни в современных переизданиях. Что касается литературы, Гримм ссылается на сотни источников, среди которых много редких и малоизвестных; ссылки, однако, по традиции XIX века приводятся автором в сокращениях и в данном издании расшифрованы впервые. Таким образом, на русском языке выходит первое в истории академическое издание «Германской мифологии», включающее в себя весь необходимый справочный аппарат.

УДК 82/820
ББК 82.3(3)

ISBN 978-5-907117-31-0

© Д. С. Колчигин (перевод на русский язык, комментарии, научный аппарат), 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

Содержание

Глава XX. Стихии 7
Примечания к главе XX 74

Глава XXI. Деревья и животные 99
Примечания к главе XXI 152

Глава XXII. Небо и звезды 172
Примечания к главе XXII 208

Глава XXIII. День и ночь 222
Примечания к главе XXIII 242

Глава XXIV. Лето и зима 258
Примечания к главе XXIV 294

Глава XXV. Время и мир 304
Примечания к главе XXV 341

Глава XXVI. Души 353
Примечания к главе XXVI 367

Глава XXVII. Смерть 373
Примечания к главе XXVII 390

Глава XXVIII. Судьба и благополучие 399
Примечания к главе XXVIII 424

Глава XXIX. Олицетворения 439
Примечания к главе XXIX 458

Глава XXX. Поэзия 466
Примечания к главе XXX 480

Глава XXXI. Призраки 484
Примечания к главе XXXI 523

Глава XXXII. Пресуществление 532
Примечания к главе XXXII 565

Глава XXXIII. Дьявол 573
Примечания к главе XXXIII 620

Глава XXXIV. Колдовство 634
Примечания к главе XXXIV 715

Глава XXXV. Суеверие 735
Примечания к главе XXXV 784

Глава XXXVI. Болезни 802
Примечания к главе XXXVI 849

Глава XXXVII. Травы и камни 870
Примечания к главе XXXVII 908

Глава XXXVIII. Заговоры и заклинания 928
Примечания к главе XXXVIII 962

Глава XX

Стихии

[*Вода: Святая вода. — Ручьи, предвещающие несчастья. — Измерение глубины. — Водовороты. — Вода с мельничного колеса. — Дождевая вода. — Окунание. — Священные озера. — Священные ручьи. — Реки. — Острова. — Море. — Огонь: Живой огонь. — Огонь Бельтайна. — День Фоля. — Пасхальные костры. — Костры святого Иоанна. — (Палилии). — Другие виды священного огня. — Печи. — Торжественные огни, иллюминация. — Воздух: Ветер. — «Невеста ветра». — Буря. — Земля: Горы. — Камни*]

От богов, полубогов и героев, от множества дружелюбных и враждебных существ, превосходящих человека либо умом, либо силой и занимающих промежуточное положение между людьми и божествами, мы теперь переводим взгляд на простые природные явления, в своем тихом величии издавна властвовавшие над человеческим разумом. Эти всепроникающие, всеохватные, предшествующие сотворению всего живого, всюду проявленные частицы праматерии должны были сами по себе, даже без их сближения с божествами, считаться священными. Соотнесение стихий с богами в той или иной степени характерно для всех мифологических систем, что, впрочем, не отменяет возможности почитания первоэлементов как они есть.

С другой стороны, народная религия никогда не вырастала из поклонения стихиям; вера рождается из таинственного множества идей сверхъестественных, не связанных с мирскими материями, — вера в этом смысле подчиняет себе стихии. Тем не менее религиозная практика сопровождалась особым отношением к элементам и часто включала это отношение в себя; иногда сама религия погибала или искажалась, а почитание стихий сохранялось и еще долго жило в народе. Люди отказывались от великих богов, но продолжали верить в низших домашних духов; отрекаясь даже от них, народ по-прежнему благоговел перед стихиями. История языческих и христианских верований показывает, что через много веков после нисхождения первых и утверждения вторых в народе по-прежнему жили — да и до сих пор живут — различные суеверия, связанные со стихиями. Это последний и практически несокрушимый обломок язычества; вера в богов распадается, и тогда на передний план вновь выходят чистые материалы, с которыми самое бытие богов было загадочным образом связано [1].

В I, 289—292 уже говорилось о культе природы у наших предков, существование которого подтверждается ранними источниками, — часто, впрочем, эти данные превратно истолковываются — с тем, чтобы доказать отсутствие у германских язычников вообще каких бы то ни было богов. Боги, однако же, поднялись и пали по другим причинам.

Прозрачная, струящаяся, вскипающая или иссякающая вода; освещающий, загорающийся или потухающий огонь; невидимый взору, но ощутимый слухом и осязаемый воздух; кормящая земля, из которой всё растет и в которой всё выросшее растворяется, — стихии с древних времен считались священными и достойными почитания; через стихийные явления торжественно освящались традиции, жизненные предприятия и события. Неустанная живость стихий и совокупная сила природы внушали ребячливому прачеловеку истинно священный трепет: не обязательным было даже присутствие какого-то бога, хотя чаще всего с природными явлениями всё же связываются определенные божества. Величие и мощь первоматерий до сих пор заставляют нас благоговеть; на древнего человека они должны были производить и вовсе неизгладимое впечатление. Культ стихий проще, свободнее и благороднее бессмысленного низкопоклонства перед образами и идолами.

Действие каждой из стихий считалось очистительным, целительным, искупительным — на схожих представлениях основывалась и практика ордалий; обращаться к стихиям следовало в их чистейшей форме и в определенное время.

Мы рассмотрим каждый из элементов по отдельности.

1. Вода[1]

Доказательства тому, что алеманны и франки поклонялись рекам и ручьям, приведены в I, 289 и в Приложении[2]. Люди *молились* на берегах рек; на краях

[1] Готское *vatô*, древнескандинавское *vatn*, древневерхненемецкое *wazar*, древнесаксонское *watar*, древнеанглийское *väter*, датское *vand*, славянское *voda*, литовское *wandů*, латышское *uhdens*, греческое *ὕδωρ*; латинскому *aqua* по форме соответствуют готское *ahva*, древневерхненемецкое *aha*, древнеанглийское *eá*, древнескандинавское *á*, однако означают эти слова fluvius [река]; готское *vêgs*, древневерхненемецкое *wâc* — fluctus, поток.

[2] Здесь и в других местах я использую бурхардовское собрание как источник сведений о *немецких* суевериях, помня тем не менее, что во многих случаях (не во всех) эти описания взяты из декретов не германских, но галльских, итальянских и испанских церковных соборов. Следует принимать во внимание, что до VIII—IX веков все эти земли были наводнены германцами и что в древнеанглийской и лангобардской Правдах, не говоря уже о капитуляриях, тоже запрещалось поклонение воде, деревьям и камням; Агафий и Григорий Турский прямо говорят, что такого рода культ отправлялся алеманнами и франками; судя по всему, такие суеверия встречались как у италийских и галльских, так и у германских племен, и нельзя сводить их к какой-то одной народности. Некоторые пытались использовать

ручьев *зажигали свечи*, там же оставляли *жертвенные дары*. Это называлось fontibus venerationem exhibere, ad fontanas adorare (ср. с *Leg. Liutpr.*, VI, 30), ad fontes votum facere, reddere, exsolvere, orare ad fontes, offerre ad fontes, munus deferre, ad fontes luminaria facere, candelam deferre [выражать почитание рекам; поклоняться источникам; приносить обеты родникам; жертвовать, отплачивать, молиться родникам; совершать жертвы, приносить дары родникам; зажигать свечи у источников, приносить свечи]. Последнее совершалось в основном или только по ночам, а отражающийся в воде огонь должен был пробуждать религиозный трепет[3]. Саксов тоже называли fonticolae [рекопоклонниками]; в древнеанглийских законах в качестве объектов почитания упоминаются *vyllas* и *flôtväter* [источники и ручьи]. Помимо уже процитированного фрагмента из законов Кнута можно упомянуть и слова из *Poenitentiale Ecgberti*, II, 22; IV, 19: gif hvilc man his ælmessan gehâte oðđe bringe tô hvilcon *vylle* [если кто-то жертвует или приносит дары какому-то *источнику*]; gif hvâ his väccan ät ænigum *vylle* häbbe (vigilias suas ad aliquem fontem habeat [совершает ночные бдения у какого-то источника]); в *Canones Edgari*, §16 запрещается vilveorđunga (почитание родников); неясно, имеется ли в виду культ воды в той древнескандинавской саге, речь в которой идет о *vötn* (см. I, 281), — само это место в саге похоже на имитацию латинского трактата; но тот факт, что воду в Скандинавии считали священной, неоспорим. В начале одной из эддических песен встречаются примечательные слова: «hnigo *heilög vötn* af himinfiöllom» [сошли *священные воды* с небесных гор]. У склавенов почитание рек было распространено уже во времена Прокопия (Procop., *B. goth.*, III, 14): σέβουσι *ποταμούς* [почитают реки]; а Гельмольд (Helmold, I, 47) существенно позже так говорит о фальдерских славянах: lucorum et *fontium* ceterorumque superstitionum multiplex error apud eos habetur [(они почитали) леса и реки, у них бытовало и множество других суеверий и заблуждений] [2].

Особенно почитались те места, где чудесная стихия пробивается из земных недр; водяной ключ по-древневерхненемецки назывался *ursprinc* или *prunno*[4].

слова Агафия и Григория как доказательство тому, будто наши предки поклонялись только природе и не верили в богов. Это, разумеется, неверно, но столь же ошибочен и обратный вывод: нельзя утверждать, что Агафий и Григорий позаимствовали сведения из иноземных церковных запретов, вовсе не касающихся Германии. В мирские законоуложения эти запреты, судя по всему, проникли через капитулярии; в более древних сводах народного права не встречается наказаний за идолопоклонство — исключение составляют только древнеанглийские законы Вихтреда (см. *Vihtræd*, XIII), где deofolgild [идолопоклонство] осуждается в целом.

[3] На Рождество со свечой заглядывают в ручьи.

[4] От prinnan (ardere [гореть]); *sôt*, — еще одно слово, обозначающее родник, — происходит от siodan (fervere [пылать]), *welle* (fluctus [волна]) — от wallan (fervere [пылать]), а *sual* (subfrigidus [прохладный поток]) — от suëlan (ardere [гореть]). См. *Gramm.*, II, 29, 34; слово

Довольно часто появление родника связывали с воздействием божества или чуда; Вотан, Бальдер, Карл Великий призывали освежающие воды из-под земли для своих изнывающих от жажды воинов (см. I, 486). О других родниках говорили, что они забили из камней, на которые пришелся удар *жезлом* или *конским копытом*[5]; святой погружает в землю ветку, и вода начинает бить в этом месте ключом. Встречаются и другие мифологические сюжеты на эту тему: говорят, что воду в священные родники и реки из *чаш* или *урн* налили боги (или еще какие-нибудь высшие существа); верят, что ручьи и источники охраняются *змеями* или *драконами* [3].

Воду, взятую в священный праздник, в полночь или перед рассветом, в торжественной тишине, до сих пор называют *святой*: *heilawâc*, *heilwâc*, *heilwæge*. Первая форма с соединительным гласным после долгого слога свидетельствует о древности этого слова — священный смысл предохранял его от видоизменений. *MS*, II, 149[b]: man seit von *heilawâge* uns vil, wie heil, wie guot ez sî, wie gar vollekomen der êren spil, wie gar sîn kraft verheilet swaz wundes an dem man versêret ist [он много рассказал нам о *святой воде*, о том, насколько она священна и хороша, как совершенен ее источник, как она исцеляет раны]; *Martina*, 116: got, du fröude flüzzic *heilawâc* [боже, ты — *святая вода*, счастливо изливающаяся]; в том же значении — в *Martina*, 248, 283. О Христе и кресте в *Mar.* [Oetter], 224: der boum ist gemeizzen, dâ daz *heilwæge* von bechumet, daz aller werlte gefrumet [срублено дерево, из которого изошла *святая вода*, исцелившая весь мир]. Чаще встречается форма «ein *heilwâge*» (*Diut.*, I, 352); в «Бернской хронике» Ансельма (Anshelm, *Berner Chronik*, I, 308) среди магических средств называется и *heilwag*; наконец, в Phil. v. Sittewald (Straßb., 1677), I, 48: «ключевая вода, собранная в ночь святого Рождества, когда часы бьют двенадцать раз, называется *heilwag*, и ее хорошо применять против боли в пупке» (см. раздел «Суеверия», № 804). Представление о *heilawâc* — древнейший пример смешения языческих верований с христианскими; в народе до наших дней верят, что в рождественскую или пасхальную ночь в 12 часов (или между 11 и 12 часами)

---

sprudel [родник] происходит от глагола sprühen [искриться, бить ключом]; в этих словах соединяются представления о воде и огне.

5 «Конский источник» (ἱπποκρήνη) на Геликоне пробил Пегас: novi *fontis* Dura medusaei quem praepetis ungula rupit [новый *источник*, пробитый в скале копытом Летуна Медузы] (Ov., *Met.*, V, 257—264). Золотую жилу в горе тоже открывает удар конского копыта. Рея в Аркадии разверзает источник ударом жезла (Callimach, *H. Jov.*, 28):

ἀντανύσασα θεὰ μέγαν ὑψόθι πῆχυν
πλῆξεν ὄρος σκήπτρῳ· τὸ δέ οι δίχα πουλὺ διέστη,
ἐκ δ' ἔχεεν μέγα χεμα

[подняла богиня свою огромную руку
ударила жезлом гору, и с рассеченной вершины
полил могучий поток]

вода в родниках превращается в вино (см. раздел «Суеверия», № 54, 792[6]; Wieselgren, 412); поверье это происходит от того, что Спаситель на свадьбе в Кане впервые проявил свою божественность через такое пресуществление; на Рождество отмечают и эпифанию, или теофанию (см. I, 534), и рождение, и крещение Христа, — с этими образами связано воспоминание о чуде, которому дано специальное название: bethphania[7]. Уже в проповеди Иоанна Златоуста, прочитанной на Богоявление в 387 году в Антиохии, сказано, что на этот праздник в полночь люди *набирали ключевую воду и хранили ее целый год*, а иногда — два или три года (очевидно, из-за ее целительных свойств)[8]. Итак, суеверные христиане верили в освящение воды в полночь на праздник крещения и в ее превращение в вино во время бетфании: германцы называли эту воду *heilawâc*[9] и приписывали ей сверхъестественные свойства — эта вода будто бы не портилась и излечивала болезни и раны [4].

Возможно, что и в Сирии по-христиански оказался истолкован древний, языческий обряд зачерпывания воды. Что касается Германии, то некоторые

---

[6] *Zehn Ehen eines Weibes* (Leipz., 1735), 235.

[7] Первое явление Христа — его рождение, второе — крещение (Сретение), третье — чудо на свадьбе в Кане: tertia apparitio fuit postea similiter eodem die anno revoluto cum esset 30 annorum et 13 dierum, sive quando manifestavit se esse deum *per mutationem aquae in vinum*, quod fuit primum miraculum apertum, quod dominus fecit in Cana Galilaeae, vel simpliciter primum quod fecit. Et haec apparitio dicitur *bethphania* a *βήτω*, quod est domus, et *φάνειν*, quod est apparitio, quia ista apparitio facta fuit in domo in nuptiis. De his tribus apparitionibus fit solemnitas in hac die [третье явление произошло в тот же день через год, когда Христу было 30 лет и 13 дней: он показал, что он бог, *превратив множество воды в вино*, что стало его первым открыто совершенным чудом, сотворенным в Кане Галилейской, или даже просто первым чудом. Это явление называется *бетфанией*, от *βήτω*, что значит «дом», и *φάνειν*, что значит «явление», ибо оно действительно место место в доме, на свадьбе. В этот день почитаются все три явления] (Durant, *Ration. div. offic.*, VI, 16). Церковь объединила три явления в один праздник.

[8] Chrysostomus (ed. Montfauc., Par., 1718), II, 369: διά τοι τοῦτο καὶ μεσονυκτίῳ κατὰ τὴν ἑορτὴν ταύτην ἅπαντες ὑδρευσάμενοι οἴκαδε τὰ νάματα ἀποτίθενται, καὶ εἰς ἐνιαυτὸν ὁλόκληρον φυλάττουσιν, ἅτε δὴ σήμερον ἁγιασθέντων τῶν ὑδάτων· καὶ τὸ σημεῖον γίνεται ἐναργὲς οὐ διαφθειρομένης τῆς τῶν ὑδάτων ἐκείνων φύσεως τῷ μήκει τοῦ χρόνου, ἀλλ' εἰς ἐνιαυτὸν ὁλόκληρον καὶ δύο καὶ τρία πολλάκις ἔτη τοῦ σήμερον ἀντληθέντος ἀκεραίου καὶ νεαροῦ μένοντος, καὶ μετὰ τοσοῦτον χρόνον τοῖς ἄρτι τῶν πηγῶν ἐξαρπασθεῖσιν ὕδασιν ἀμιλλωμένου [посему в этот праздник в полночь все, почерпнув воды, приносят ее домой и хранят во весь год, так как сегодня освящены воды; и происходит явное знамение: эта вода в существе своем не портится от продолжительности времени, но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два и три года остается неповрежденной и свежей, и после столь долгого времени не уступает водам, только что взятым из источников. — Перевод по изданию Санкт-Петербургской духовной академии]

[9] А также *heilawîn*? У Фрауэнлоба (*MS*, II, 213[b]) сказано о «*heilwîn* tragenden garten» [саде, приносящем *святую воду*] (см. *Altd. Bl.*, II, 294).

примеры прямо указывают на традиции освящения воды у язычников: обычно такую воду брали не в полночь, а ранним утром *перед восходом солнца*, *вниз по течению реки*, *в тишине* (см. раздел «Суеверия», № 89, 776); обычно это делалось в *пасхальное воскресенье* (см. раздел «Суеверия», № 775, 776), а с праздником Пасхи вышеприведенные христианские объяснения обычая уже согласуются плохо; эта вода тоже не портилась, она восстанавливала молодость, залечивала сыпь, помогала молодняку набраться сил[10]. Колдовскую воду, служившую для нехристианских гаданий, набирали *по воскресеньям перед рассветом из трех родников* в один стакан; перед этим стаканом, словно перед божеством, зажигали свечу (см. раздел «Суеверия», H, 55—57)[11]. Здесь вновь стоит вспомнить о гессенском обычае, упоминавшемся в I, 212: на второй день Пасхи юноши и девушки отправлялись в пещеру, *набирали там воду из холодного источника и в кувшинах несли ее домой*, бросив в пещеру цветы в качестве жертвоприношения. Вероятно, культ воды был характерен и для кельтов; вода из горного источника Карнант должна была *соединить обломки разбитого меча*, но при этом говорится (*Parz.*, 254:6; *Tit.*, 5456, 5732):

du muost des urspringes hân	[воду из источника бери
underm velse, *ê in beschin der tac*[12]	под горой, *пока не коснется ее дневной свет*]

Интересен и такой обычай: первым майским утром девушки из пиренейского края *гадают по родниковой воде*.

Вряд ли стоит предполагать, что здесь имеются в виду особенные свойства целебных минеральных источников; речь скорее идет об общей стихийной

---

[10] Jul. Schmidt, *Reichenfels*, 121. В Касселе я слышал, что купание в Друзеле исцеляет, но только двигаться в воде нужно по направлению течения, а не против него. Окунаться следует, вероятнее всего, в Вальпургиеву или в Иванову ночь.

[11] Этот обычай, как и все те, о которых говорит Гартлиб, может принадлежать классической древности. При γαστρομαντεία, то есть гадании по наполненному водой пузатому сосуду (γάστρη), тоже использовался *факел* и участвовал *невинный мальчик* (Potter, *Archaeol.*, I, 764; Fabricius, *Bibliogr. antiq.*$_3$, 600).

[12] Германцы тоже несомненно верили в то, что мечи *закаливаются* и *обновляются* в воде (sverđ herđa в *Sæm.*, 136[b]). В *Vilkinasaga*, XL, 100 приводится такой рассказ: цверг Альберих, сковавший меч Нагельринг, прошел девять королевств в поисках такой воды, в которой можно закалить это оружие; наконец он нашел подходящую воду в реке *Трейя*. В *Eckenlied*, 81 то же рассказывается с дополнительными подробностями: dannoch was ez niht vollebrâht, dô fuortenz zwei wildiu getwere wol durch niun künecrîche, biz daz si kâmen zuo der *Drâl*, diu dâ ze *Troige* rinnet, daz swert daz was sô liehtgemâl: *si hartenz in der Drâle*, des wart ez alsô fîn [и всё же труд над этим сияющим мечом не был закончен, пока два диких цверга, пройдя через девять королевств, не пришли в *Тройге*, где протекает *Драль*: *они закалили меч в Драле*, и он был готов]. Как можно сомневаться в том, что в основе «Вилькина-саги» лежат подлинные немецкие сказания?

силе воды — освежающей, подкрепляющей, животворящей[13]. В Германии есть множество мест с названиями вроде Heilbrunn, Heilborn, Heiligenbrunn [«священный источник»]: каждое из них получило свое название от омолаживающих ключей или от произошедших там случаев чудесного исцеления. Поселок *Heilbronn* на Неккаре в древнейших источниках называется *Heilacprunno*[14]. Некоторые ключи или ручьи могли пользоваться особенно широкой известностью. Хорошо известны эддические *Mîmisbrunnr* [источник Мимира] и *Urđrbrunnr* [источник Урд] (см. I, 693), — последний в Sn., 17 зовется «brunnr *miöc heilagr*» [*самым священным* источником]. В датской песне (*D. V.*, I, 318) рассказывается об источнике *Maribokilde*, в прозрачных водах которого *срастается* тело разрубленного на части человека. В шведских песнях упоминается *Ingemos källa* (*Vis.*, I, 244, 245). В I, 471, 472 говорилось о фризском священном источнике, воду из которого можно было зачерпывать только *в тишине* [5]. У таких ручьев совершались жертвоприношения; об оздоровительном действии *горячих* и *минеральных* источников люди, судя по всему, знали с незапамятных времен: ср. с римским названием Aquae Mattiacae и с aquae calidae в Люксее. Веттерауцы, набирая из инерального источника воду в кружку, обычно дают первым каплям упасть на землю: чтобы, — как говорят, — пыль смыть (эти кружки стоят открытыми); возможно, что раньше это считалось возлиянием для духа, обитающего в источнике[15]. Священными считались не только целебные, но

[13] Человек, которого укусила гадюка, не умрет, если успеет раньше самой змеи *перепрыгнуть через ближайшую речку* (Lenz, *Schlangenkunde*, 208).

[14] Böhmer, *Reg. Karolor.*, № 740 (841 год); Ecc., *Fr. orient.*, II, 893; «der Necker vliuzet für Heilicbrunnen» [Неккар течет мимо Хейликбрунна] (*MS*, II, 68[b]).

[15] Язычники возводили чудесную силу источника к власти лесных или водяных духов, а христиане перенесли те же представления на своих святых. Яркий пример можно найти в «Чудесах святого Ажиля», тексте XII века: купаясь *в ручье святого Ажиля*, люди чудесным образом исцелялись. «Sed interim quorundam vesaniae occurrere libet, qui in digito dei nequaquam haec fieri aestimantes, *daemoniacae*, pro nefas, attribuunt *potestati*. Cumque miracula diffiteri nequeunt, id solum in causam calumniae adsumunt, quod in *agresti* fiunt *loco*, ubi nullus dei cultus, ubi nullae sanctorum memoriae. O prudentiam! Verentur homines sublimi ingenio, ne ad ludibrium mortalium a *faunis*, *nymphis* vel *satyris*, ceterisve *ruris numinibus* res geratur ejusmodi. Nam ut de fabulis taceam, apud quos historiagraphorum veterum seu modernorum legitur daemones visum coecis, mentem amentibus, manus debilibus, gressum claudicantibus restaurasse?» [иногда можно встретить безумцев, преступно приписывающих *дьявольским силам* всё, что не совершено перстом божиим. Нельзя отрицать те чудеса (если только не считать их простыми слухами), которые совершились в *деревенской местности*, где не утвердилась божья вера и нет памяти о святых. Но будьте же благоразумны! Благородные люди почитают чудеса, а не вещи, в шутку сотворенные *фавнами*, *нимфами*, *сатирами* или другими *сельскими божествами*. Стоит ли говорить и о сказках, которые можно найти у древних и новых историков: будто бы демоны возвращают слепым зрение, безумным — разум, калекам — руки, хромым — ровную походку?] (*Acta Bened.*, II, 333). Шведы связывают силу некоторых источников с *белыми змеями*. В 1809 году тысячи людей

и *соленые* источники: древнейшие сообщения об этом будут приведены в следующей главе. В Средние века поддерживалось представление об «источниках молодости»[16]: кто в них искупается, тот исцелится и будет наперед защищен от недугов; в таком источнике Раухельс [Rauchels] смочила свою грубую кожу и превратилась в прекрасную Зигеминну (см. I, 720); иногда воды из таких источников могли даже менять пол купающегося [6][17].

В речке у Ножана мужчины и женщины купались вечерами перед Ивановой ночью (см. раздел «Суеверия», L, № 33); сюжет комедийной пьесы Хольберга «Kildereisen» основан на том, что у жителей Копенгагена было принято в «*s. Hans aften*» [Иванову ночь] посещать находящийся рядом с городом источник, дабы исцелиться и укрепиться в его водах. Эстергётландцы на праздник летнего солнцестояния по древнему обычаю ходили к *Lagmans bergekälla* [горному источнику законоговорителя], находившемуся у Шенниге, и пили воду из этого источника (Broocman, I, 187; II, 676). Во многих регионах Германии на Троицу ходят к чистым родникам и набирают там воду в кружки особой формы. Еще важнее для нас встречающееся у Петрарки описание ежегодных купаний, совершавшихся кёльнскими женщинами в Рейне; этот фрагмент стоит процитировать полностью[18] — он прекрасно доказывает, что культ воды был связан не только

из Халланда и Вестегётланда устремились к чудотворному Хельсьё (маленькое озеро недалеко от Рампегерде); говорили, что дети, пасшие на берегах этого озера скот, неоднократно видели там сидящую у воды прекрасную деву, державшую в руках змею и показывавшую ее встречным; считалось, что эта *водяная дева* со змеей является каждые сто лет (Bexell, *Halland*, II, 320; III, 303). Множество народа из Норвегии и из Халлада приходило к роднику, называемому *s. Olafskiälla* [источником св. Олава], — там в качестве жертвы оставляли деньги и отправляли другие суеверные обычаи (Ödman, *Bahusläп*, 169). В христианские времена стали верить, что священные источники пробиваются рядом с могилами святых людей (Bexell, *Halland*, III, 69); у Флодоарда Реймсского (Flodoard. Remens., II, 3) рассказывается о священном источнике, забившем из-под тела святого. Я полагаю, что сказание о *водяной деве*, с которой связался Карл Великий (см. I, 721, 722), восходит к мифам об аахенских теплых источниках.

[16] То же значение — у древневерхненемецкого *quecprunno* и средневерхненемецкого *quecprunne* (*Parz.*, 613:9; *Fragm.*, 18:267).

[17] Ср. с цитатами из Иоганна Монтевиллы, Ганса Сакса и из «Титуреля», приведенными в *Mus. f. altd. Lit.*, I, 260—63.

[18] Franc. Petrarcha, *De reb. familiar. epistolae*, I, ep. 4: Aquis digressum, sed prius, unde ortum oppidi nomen putant, aquis bajano more tepentibus ablutum excepit Agrippina Colonia, quae ad sinistrum Rheni latus sita est. Lacus et situ et flumine clarus et populo. Mirum in terra barbarica quanta civilitas. Quae urbis species, quae virorum gravitas, quae munditiae matronarum. Forte *Johannis baptistae vigilia* erat duro illuc applicui, et jam ad occidentem sol vergebat: confestim amicorum monitu (nam et ibi amicos prius mihi fama pepererat quam meritum) ab hospitio traducor ad fluvium insigne spectaculum visurus. Nec fallebar. *Omnis enim ripa praeclaro et ingenti mulierum agmine tegebatur*. Obstupui, dii boni, quae forma, quae facies, quis habitus! Amare potuisset quisquis eo non praeoccupatum animum attulisset.

с отдельными родниками, но и с крупнейшей рекой Германии. Все церковные обряды вышли из Италии, и раз итальянец ничего не знал об описанном обычае,

---

In loco paullum altiore constiteram, unde in ea, quae gerebantur, intenderem. Incredibilis sine offensione concursus erat, vicissimque alacres, pars *herbis odoriferis incinctae*, *reductisque post cubitum manicis*, *candidas in gurgite manus ac brachia lavabant*, nescio quid blandum *peregrino murmure colloquentes*. Vix nunquam clarius intellexi, quod Ciceroni placet, et veteri proverbio dici solet: inter linguas incognitas omnes propemodum surdos ac mutos esse. Unum mihi solatium gravissimorum interpretum non deerat. Nam et hoc inter cuncta mirabere, coelum illud spiritus pierios alere. Itaque dum miratur Juvenalis quod

Gallia causidicos docuit facunda Britannos

miretur itidem:

doctos quod argutos aluit Germania vates.

At, ne me auctore fallaris, scito ibi nullum Maronem esse, Nasones plurimos, ut dicas verum fuisse praesagium, quod in fine libri metamorphoseos multum vel posteritatis gratiae vel ingenio suo fidens ponit. Siquidem qua romana potentia, seu verius qua romanum nomen domito orbe se porrigit, plausibiliter nunc faventis populi ore perlegitur. His ego comitibus, ubi quid audiendum seu respondendum incidit, pro lingua et pro auribus usus sum. Unum igitur ex eo numero admirans et ignarus rerum percunctatus vergiliano illo versiculo

quid vult concursus ad amnem,

quidve petunt animae?

responsum accepi: *pervetustum gentis ritum esse*, vulgo persuasum, praesertim femineo, *omnem totius anni calamitatem imminentem fluviali illius diei ablutione purgari* et deinceps laetiora succedere, itaque *lustrationem* esse *annuam*, inexhaustoque semper studio cultam colendamque. Ad haec ego subridens «o nimium felices, — inquam, — *Rheni* accolae, quoniam *ille* miserias purgat, nostras quidem nec *Padus* unquam valuit purgare nec *Tiberis*. Vos vestra mala Britannis Rheno vectore transmittitis; nos nostra libenter Afris atque Illyriis mitteremus, sed nobis (ut intelligi datur) pigriora sunt flumina». Commoto risu sero tandem inde discessimus [Я уехал из Аахена, но сперва искупался в теплых водах, подобных байским, от названия которых, как говорят, получил свое имя и сам город, а затем отправился в Кёльн, расположенный на левом берегу Рейна. Этот город известен благодаря местоположению, реке и тамошнему населению. Удивительно было встретить такой уровень культуры в варварской стране. Какие там виды, какие благородные мужчины, какие красивые женщины! Я прибыл как раз в канун праздника во имя Иоанна Крестителя и въехал в город на закате: по настоянию друзей (там тоже друзей я приобрел скорее благодаря слухам обо мне, чем подлинными заслугами) с постоялого двора мы сразу пошли к реке, чтобы посмотреть на удивительное зрелище. И я не разочаровался. *Весь берег был заполнен множеством миловиднейших женщин*. О боги, я был потрясен: какие формы, какие лица, какая манера держаться! Тот, чье сердце свободно, мог бы найти там свою любовь. Я встал на небольшом возвышении, откуда хорошо было видно всё происходящее. Людей было невероятно много, но беспорядка не наблюдалось; одна за другой эти женщины опускались у берега на колени — так, что их *наполовину закрывали благоухающие травы*, — и, *заворачивая рукава выше локтя*, *они омывали в воде свои белые руки и ладони*; *между собой они мягко переговаривались* на непонятном мне языке. Тогда я лучше всего понял замечание Цицерона, эту древнюю

то можно заключить, что обычай этот вообще был нехристианским, языческим. Впрочем, Петрарка мог и не знать *всех* традиций своей родины; в более поздние времена тоже упоминается священный статус дня Рождества Иоанна Предтечи. У Бенедикта де Фалько говорится (Benedict de Falco, *Descrizione de luoghi antiqui die Napoli* (Nap., 1580)): in una parte populosa della citta giace la chiesa consegrata a S. Giovan battista, chiamata S. Giovan a mare. Era un *antica usanza*, hoggi non al tutto lasciata, chel *la vigilia di S. Giovane*, verso la sera e'l securo del di, *tutti huomini e donne andare al mare, e nudi lavarsi*: persuasi purgarsi de loro peccati, alla focchia degli antichi, che peccando andavano al Tevere lavarsi [в одной населенной части города находится церковь, освященная во имя святого Иоанна Крестителя, и называется она церковью святого Иоанна на море. Был древний обычай, до сих пор не вполне оставленный: вечером в канун дня святого Иоанна *все мужчины и женщины шли к морю и омывались там голыми*; считалось, что так они смывают свои

поговорку: когда вокруг говорят на неизвестных языках, ты как будто глух и нем. Впрочем, я утешался помощью умелых переводчиков. Еще меня изумило, что тамошние небеса питают пиерические души. Ювенал дивился, что

Бритт был обучен судебной риторике галлом красноречивым.

Можно подивиться и тому, что

Взрастила и выучила Германия стольких изящных поэтов.

Правда, чтобы тебя не обманули мои слова, сразу добавлю, что Маронов там нет, а вот Назонов — множество; можно сказать, что дерзкое пророчество Назона действительно сбылось. Полагаясь то ли на свой гений, то ли на благодарность грядущих поколений, в конце «Метаморфоз» он говорит, что его труды будут почитаться везде, куда доберется власть Империи или, скорее, куда дойдет само имя Рима.

Итак, когда мне нужно было что-то понять или ответить, я полагался на своих спутников, ставших там для меня ушами и языком. Не понимая происходящее и будучи весьма заинтересован, я спросил одного из них словами Вергилия:

чего хотят собравшиеся у реки,
чего ищут эти души?

И я получил такой ответ: *это древний обычай*, и простой народ, особенно женщины, верят, что *беды грядущего года можно в этот день смыть в реке, заручившись таким образом судьбой более счастливой*; потому это *ежегодное омовение* регулярно совершают и будут с неослабевающим рвением совершать дальше. Я улыбнулся этому и сказал: «Счастливы живущие на *Рейне*, если *он* смывает с них беды! Нам в этом не помогает ни *По*, ни *Тибр*. Вы посылаете свое злосчастье бриттам, живущим дальше по реке, а мы с удовольствием бы отправили свои неудачи африканцам или иллирицам. Но, видимо, наши реки ленивее». Посмеявшись над этим, мы отправились домой, потому что время было позднее]. Кем были эти «пиерические души», водившие гостя к Рейну, — неизвестно. Кёльнский университет был основан в 1388 году, но образованные клирики жили в этом городе и раньше. Под сочинениями Марона и Назона имеются в виду, очевидно, списки поэм Вергилия и Овидия? Это письмо Петрарки датируется 1330 годом и адресовано кардиналу Колонне. На этот текст ссылается уже Кайзерсберг (Kaisersberg, *Omeiß*, 35[c]).

грехи — древние смывали грехи, купаясь в Тибре]. Задолго до Петрарки, во времена Августина тот же обычай отправляли в Ливии, причем отец церкви выступал против этой практики и называл ее языческой: natali Johannis de solemnitate superstitiosa pagana Christiani *ad mare veniebant*, et se baptizabant [в день рождества Иоанна христиане по языческому суеверию *ходили к морю* и крестились] (August., *Opp.* (Paris, 1683), V, 903); и вновь: ne ullus in festivitate s. Johannis in *fontibus* aut *paludibus* aut in *fluminibus*, nocturnis aut matutinis horis *se lavare* praesumat, quia haec infelix consuetudo adhuc de Paganorum observatione remansit [на празднике святого Иоанна никто не должен омываться в *источниках*, в *озерах* или в *реках*, в ночной или утренний час: этот заслуживающий сожаления обычай сохраняется только в языческой практике] (August., *Opp.*, V, 462 — приложение). Несмотря на то, что церковью этот обычай традиционно не одобрялся, время от времени его всё же отправляли — тем более что он, даже будучи изначально языческим, кажется вполне уместным для почитания памяти Иоанна Предтечи, крестившего в Иордане. Обычай этот легко мог распространяться, причем не только в своем христианском качестве: Иванов день у наших предков был праздником середины года, солнцестояния, и с ним должно было быть связано множество традиций. Должен признаться, что обычай, описанный у Петрарки, я бы скорее признал подлинно германским, если бы дело происходило в каком-нибудь малом поселении. В Кёльне, священном городе, известном своими святынями, такая традиция, скорее всего, появилась всё же под влиянием христианства [7][19].

Есть такие озера и речки, вода в которых то *поднимается*, то *опускается*: считается, что и то и другое предвещает несчастья — смерть, войну, голод. Перед смертью местного князя реки останавливаются, как бы выражая свою скорбь (*Deutsche Sag.*, № 110); если истощается ручей, то вскоре должен умереть глава рода (*Deutsche Sag.*, № 103). Пересыхающий или прибывающий, предвещающий гибель источник называли *Hungerquelle*, *Hungerbrunnen* (Stald., II, 63). В Вёссингене возле Дурлаха находится такой *Hungerbrunnen*, о котором говорят, что если воды в нем много или если рыба в нем мелкая,

[19] В Польше и в Силезии, а также, вероятно, кое-где в России, есть такой обычай: девушек, проспавших утреню на второй день Пасхи, юноши насильно *обливали водой* и побивали *березовыми прутьями*; часто ночью их поднимали с кроватей и волокли к *реке*, к *озеру* или к *наполненному водой корыту*, где и окунали в воду. В Силезии это называется *schmagostern* (даже в «Верхнегессенском идиотиконе» Эстора упоминается слово *schmakustern*, означающее «пороть кого-либо на Пасху») [8]. По-польски говорят smić (смывать), по-чешски — smyti, smeywati; smigust еще означает «полоскание»; у поляков используется еще понятие dyngować, а обливание друг друга водой называется dyngus (см. Hanusch, 197); совершается всё это не только на Пасху, но и в Иванов день. В России, в Архангельской губернии, 23 июня люди *окунаются в реку* и рассыпают цветы-*купальницы* — ranunculus acris [лютик едкий] (Karamsin, I, 73, 74). Повсюду верят в особый статус купания на Пасху и в Иванов день.

то год будет неурожайным[20]. Еще одна «голодная речка» находится в Галле на Заале; когда крестьяне шли в город, они смотрели на эту речку и, если она текла полноводно, говорили: «heuer wird es theuer» [год будет голодный][21]. Так же говорят о речках в Розии (Сиена) и возле Шатодёна (Орлеан). Поскольку голод в народе персонифицировали, то несложно было представить и то, что он способен воздействовать на реки. Схожее сказание о реке Норборн см. в I, 690. Приведу здесь рассказ Дитмара Мерзебургского о Гломачском озере, находящемся в славянском Эльбланде (Dietmar von Merseburg, I, 3): Glomazi[22] est fons non plus ab Albi quam duo miliaria positus, qui unam de se paludem generans, mira, ut incolae pro vero asserunt oculisque approbatum est a multis, saepe operatur. Cum bona pax indigenis profutura suumque haec terra non mentitur fructum, *tritico et avena ac glandine* refertus, laetos vicinorum ad se crebro *confluentium* efficit animos. Quando autem saeva belli tempestas ingruerit, *sanguine et cinere* certum futuri exitus indicium praemonstrat. Hunc omnis incola plus quam ecclesias, spe quamvis dubia, *veneratur et timet* [Гломач — это источник в двух милях от Эльбы; внутри него образовалось озеро, с которым, по утверждению местных жителей и по свидетельству множества очевидцев, связано немало чудес. Если в будущем эти места ждет славный мир, то земля становится изобильна плодами и источник насыщает ее *пшеницей*, *овсом* и *желудями*, а души людей, постоянно *стекающихся* в эти места из соседних районов, он наполняет радостью. Если же начинается буря жестокой войны, то *кровью и пеплом* источник точно демонстрирует будущий исход противостояния. По всему острову этот источник *почитают и боятся* больше, чем церковь, хотя надежда на него и сомнительна][23]. Считалось, что голод или процветание, прирост богатства или обнищание можно предсказать не только по отдельным водоемам, но и вообще по любой воде: ее наливали в сосуд, а затем измеряли, прибавилось там воды или убыло (см. раздел «Суеверия», F, № 43 и № 953 в Praetor, *Saturnalien*, 407). Я полагаю, что это исключительно древний обряд. Саксон Грам-

---

[20] В Mone, *Anz.*, III, 221, 340 приводится достаточно надуманное толкование понятия *Hungerbrunnen*. Еще эти ручьи называют словом *Schändlebach* (ручей, несущий горе) — один такой мне показывали на лугу в Касселе; в *Simpliciss.*, V, 14 упоминается обернгеймский *Schändlebach*, вода в котором появляется только тогда, когда страну ждет несчастье. Когда в Гёттингене (недалеко от Герберсхаузена (или Гельперхузена)) начинает течь *Луттерборн*, то это предвещает наступление голодных времен; но если на тамошней мельнице селятся пауки, а на мельничном колесе — ласточки, значит наступают хорошие времена.

[21] [Об этом значении слова *theuer* см. Grimm, *Wörterbuch*, статья «theuer», 2ª. — *Прим. пер.*]

[22] Или Glomuzi, Zlumici; сейчас это район города Ломмач.

[23] Pertz, III, 74 (капитулярий 794 года): experimento didicimus, in anno, quo illa valida famis irrepsit, *ebullire* vacuas annonas (пустые колосья), a daemonibus devoratas [мы знаем по опыту, что в тот год, когда подкрадывается сильный голод, колосья *урождаются* пустыми, пожранные демонами].

матик упоминает (Saxo, 320), что в правой руке у статуи бога Свантовита на Рюгене был рог, «quod sacerdos sacrorum ejus peritus annuatim mero perfundere consueverat, ex *ipso liquoris habitu sequentis anni copias prospecturus*… Postero die populo prae foribus excubante detractum simulacro poculum curiosius speculatus, si quid e*x inditi liquoris mensura substractum* fuisset, ad *sequentis anni inopiam* pertinere putabat. Si *nihil* ex consuetae foecunditatis habitu *diminutum* vidisset, ventura agrorum ubertatis tempora praedicabat» [в который жрец, сведущий в ритуалах, раз в год наливал вино, а затем *по виду жидкости предсказывал уровень благополучия на следующий год*… Днем позже, пока люди ждали у дверей, жрец тщательно осматривал сосуд, снятый со статуи, и *если количество жидкости в нем уменьшилось*, то это означало, что *будущий год станет голодным*. Если же от первоначального количества вина *нисколько не убавилось*, то жрец предсказывал наступление плодородных времен]. Затем вино выливали и наливали в рог воду [9].

Нет сомнений в том, что *водовороты* и *водопады* считались особенно священными: люди верили, что в движение их приводит некое высшее существо, речной дух. Есть целые сказания о дунайском водовороте и о некоторых других. Плутарх (Plutarch, *Caesar*, XIX) и Климент Александрийский (Clemens Alex., *Stromat*., I, 305) сообщают, что германские пророчицы наблюдали за водоворотами в реках и предсказывали будущее по вращению и шуму воды. По-скандинавски такая воронка называется *fors*, по-датски — *fos*, а в *Isl. sög*., I, 226 прямо говорится: «*blôtaði* forsin» [*приносил жертвы* водовороту]. Сказание о речном духе под названием *fossegrim* рассмотрено в I, 792; внутри водоворота жил дверг Андвари (*Sæm*., 180; *Fornald. sög*., I, 152). Водоворотам (δῖνος) приносили в жертву *животных* — ср. с закланием черного ягненка или козы для фоссегрима и с приведенной в I, 200, 289 цитатой из Агафия, речь в которой идет о жертвоприношениях, имевших место у алеманнов: коней жертвовали рекам и ущельям. В «Илиаде» так говорится о Скамандре (*Il*., XXI:131):

ὥ δὴ δηθὰ πολέας ἱερεύετε ταύρους,
ζωοὺς δ' ἐν δίνῃσι καθίετε μώνυχας ἵππους.

[сколько этой реке ни посвящай быков,
сколько ни топи в ее водоворотах однокопытных коней…]

У Павсания (Pausan., VIII, 7:2): τὸ δὲ ἀρχαῖον καθίεσαν ἐς τὴν Δεινῆν (водоем в Арголиде, название которого связано с корнем δῖνος [вращение]) τῷ Ποσειδῶνι ἵππους οἱ Ἀργεῖοι κεκοσμημένους χαλινοῖς [в древние времена коней, украшенных уздечками, сбрасывали в Дин в качестве жертвы Посейдону]. У Горация (Horat., *Carm*., III:13): o fons Bandusiae, non sine floribus cras donaberis haedo [о бандузийский источник, завтра козленка тебе принесут, украшенного цветами] [10].

Достаточно хорошо известно, что еще до принятия христианства и обряда крещения язычники-скандинавы уже освящали новорожденных водой; это называлось *vatni ausa*, «побрызгать водой». Не исключено, что такой ритуал практиковался у всех германцев, и, вероятнее всего, той воде, которая использовалась для освящения, приписывалась некая особая сила — как и святой воде крещения у христиан (см. раздел «Шведские суеверия», № 116). Есть удивительный эстонский обычай разбрызгивать после крещения святую воду по высоким стенам (см. раздел «Суеверия», M, 47), что, как считается, принесет новорожденному честь и славу.

Широко распространены странные суеверия, касающиеся воды, стекающей с лопастей *мельничного колеса*. О соответствующих обычаях упоминает уже Гартлиб (см. раздел «Суеверия», H, № 60), и слова его подтверждаются народными поверьями (см. раздел «Суеверия», № 471, 766). У сербов такая вода называется словом *омаја*, то есть «отскочившая» — от глагола «оманути» (отлетать, отскакивать). Караджич (Vuk, статья «Омаја») упоминает, что в день святого Георгия (23 апреля), по утрам, женщины ходили за водой с мельничного колеса (чаще всего к маленькой водяной мельнице, у сербов называемой «кашичара»), чтобы затем в этой воде искупаться. Кто-то приносил эту воду домой с вечера и насыпал в нее свежесорванную траву; считалось, что если омыться такой водой, то все невзгоды и болезни сойдут с тела, *как вода с мельничного колеса* (см. Vuk, статья «Ђурђев дан»). Встречается еще запрет *стряхивать воду* с рук после утреннего умывания — считалось, что так можно *стряхнуть* с себя удачу (см. раздел «Суеверия», № 21).

Подобно ручьям и рекам, дождь, по наивным верованиям древних, тоже проливался из чаш небесных богов; в более поздние времена верили, что ведьмы летают по воздуху с кувшинами, из которых на поля опрокидываются бури с градом — вместо дождя и росы, посылавшихся богами[24].

Когда же небеса не давали дождей, а поля изнывали от засухи, люди в первую очередь обращались с мольбами к соответствующему божеству: к Донару, к Богородице, к Илии (см. I, 395—397)[25]. Существовала особая магическая процедура, притягивавшая тучи и в какой-то степени понуждавшая богов присылать дождь. Маленькая девочка должна была совершенно голой выйти из города и накопать *белены* (по-древневерхненемецки — pilisa) мизинцем правой руки, а затем привязать одну былинку к мизинцу правой ноги; после этого

---

[24] Перуанцы верят в *богиню дождя*, сидящую на облаках с *кувшином*, из которого она в нужное время льет воду; если она мешкает, то ее *брат* разбивает кувшин громом и молнией (Garcilasso de la Vega, *Historiae Incarum peruanorum*, XI, 27; ср. с Talvj, *Characteristik der Volkslieder*, 126).

[25] В Anton, *Vers. über die Slaven*, I, 73 приводится валахская песня, которую дети пели, если посевы начинали сохнуть; общий смысл песни таков: «*Papaluga* (то есть «луговой отец»), взберись на небо, открой там двери, пришли дождя, чтобы рожь росла!».

девушки торжественно сопровождали ее до ближайшей реки и там *обрызгивали водой*. Об этом ритуале рассказывает Бурхард Вормсский (см. раздел «Суеверия», C, 201[b]), и, судя по всему, в XI веке у Рейна или во всем Гессене этот обычай всё еще был в ходу; традиция эта представляется тем существеннее, если учесть, что аналогичные ритуалы (конечно, с довольно существенными отличиями, исключающими заимствование) до сих пор отправляются у сербов и греков. Сербский ритуал описан у Вука Караджича (Vuk, статья «Додоле»): девушка, которую называют *додола*, *раздевается донага*, и всё ее тело *покрывают травами и цветами*, так что даже ее лица становится не видно[26]. В сопровождении других девушек додола ходит от дома к дому; перед каждым домом девушки становятся в круг, а додола стоит в центре и танцует. Хозяйка дома должна выйти и вылить ведро воды на додолу, продолжающую танцевать и вертеться, в то время как сопровождающие девушки поют песни с рефреном «oj додо, oj додо ле!», повторяющимся после каждой строки. Вот, в переводе, вторая из приведенных в Vuk, *Saml.*, № 86—88 (№184—188 по второму изданию [Vuk_2, 111—114]) таких песен (их называют «pjesme додољске»):

наша дода взывает к богу, ой додо, ой додо ле!
чтобы дождь росистый пролился, ой додо, ой додо ле!
чтобы все жнецы промокли, ой додо, ой додо ле!
все жнецы, все копатели, ой додо, ой додо ле!
даже все работники в домах. ой додо, ой додо ле!

После всего этого точно должен начаться дождь. В Греции, если дождя не было три недели, деревенские жители делают так: дети сами выбирают одного ребенка, которому должно быть от восьми до десяти лет (обычно это бедный сирота), затем его *раздевают* и *с ног до головы покрывают полевыми травами и цветами*, этого ребенка называют *πυρπηροῦνα*. Другие дети сопровождают *пирперуну* до деревни, распевая песню, а хозяйки домов выливают ему на голову воду из корыт, отдавая детям одну монету-*пару* (½ пфеннига). Соответствующая новогреческая песня приведена в Theod. Kind, *Τραγῳδια τῆς νέας Ἑλλάδος* (Leipz., 1833), 13; см. также Passow, 627, № 311—313. Смысл названий *додола* (или *дода* в ласкательной форме) и *πυρπηροῦνα* не ясен[27]. Если бы Бурхард сообщил германское название ритуала, то оно, скорее всего, тоже оказалось бы этимологически темным. Смысл процессии тем не менее вполне понятен: как вода из ведра проливается на додолу, так и дождь с небес должен пролиться

[26] Делается ли это только из скромности, или у этой детали тоже есть ритуальное значение? В дальнейшем мы еще увидим, что олицетворенные весну и лето тоже представляли покрытыми листвой.

[27] Кинд (Kind, 86, 87) приводит и другие формы, но все его толкования мне представляются сомнительными. В обоих терминах — и сербском, и греческом — наблюдается редупликация первого слога, что указывает на народное происхождение слова.

на землю — здесь мистически и подлинно символически отождествляются изображение и изображаемое; точно так же повороты мельничного колеса должны прогонять зло, а купание в священном источнике — смывать все будущие хвори. В кельтских обрядах не участвует девушка или ребенок: во времена больших засух для призыва желанного дождя кельты просто *проливали воду*. Охотники шли к источнику Барантон в лесу Бросилианд [Brezilіande], набирали там воду в рога и *выливали ее на камни*; после этого сразу же должны были появиться тучи, освежающие землю дождевой влагой[28]. Обычай этот, с добавлением к нему церковных торжеств, сохраняется по сей день. В сопровождении священников, под пение и колокольный звон паства движется к источнику, а впереди процессии несут пять огромных стягов; глава процессии дважды, крест-накрест, *погружает ногу* в Барантон; после этого обязательно пойдет дождь, причем еще до возвращения процессии домой[29]. В ходе этого ритуала не обливают ребенка — только городской голова окунает ногу; иногда еще разливали немного воды в знак того, что скоро с неба сойдут целые потоки. Благодаря небольшой жертве можно получить великий дар. В Испании, если долго держится жара, по деревням торжественно проносят статую скорбящей Святой Девы (imagen cubierta de luto), что должно привлечь дождь[30] — ср. с рассмотренной в I, 396 льежской процессией, ход которой, в свою очередь, согласуется с описанием соответствующего обряда у Петрония (см. I, 397); в испанском варианте ритуальные возлияния отсутствуют. Привязываемые к ребенку травы, скорее всего, считались магическими, но конкретное предназначение белены в данном случае мне не известно. Наконец, додоле и пирперуне соответствует и баварская «водяная птица». Работника, который в понедельник после Пятидесятницы последним выгнал скот на пастбище[31], ведут в ближайший лес, где *обвязывают* его *ветками*, *тростником и листьями*; затем все пастухи торжественно въезжают в деревню на конях — те, кто достаточно молод, чтобы бежать за лошадью, сопровождают эту процессию до пруда или ручья: там «водяную птицу» *ритуально сбрасывают с лошади в воду* (Schm., I, 320). В австрийских деревнях молодые люди выбирают «короля Пятидесятницы» — его *одевают ветками*, *чернят ему лицо*, а затем *сталкивают в речку* (Denis, *Lesefr.*, I, 130). В этих двух последних ритуалах сама идея «votis vocare imbrem» [вознесения молитв о дожде] совершенно отброшена и заменена на праздничное высмеивание ленивого

---

[28] *Roman de Rou*, 11514 (те же слова цитируются в примечаниях в *Iwein*, 262, 263).

[29] *Revue de Paris*, XLI, 47—58. Вильмарке добавляет, что дети бросают булавки в воду, выкрикивая: «ris donc, fontaine de Berendon, et je te donnerai une épingle!» [посмейся, Барандонский источник, и я тебе дам булавку], — таким образом можно подружиться с местной водяной феей. Ср. с «libamina lacui exhibere» [совершать возлияния озеру] (см. II, 23).

[30] *Don Quixote*, I, 52 (см. Ideler, II, 435). В других местах во время засухи было принято проносить мощи святых (Flodoard. Rem., IV, 41).

[31] Ср. с окунанием в воду девушки, проспавшей пасхальную утреню (см. II, 17).

работника[32]; и всё же у меня нет никаких сомнений в том, что в основе этих обрядов тоже лежало желание призвать дождь [11].

Среди богинь с культом воды были в первую очередь связаны *Нерта*, которую омывали в священном озере, и *Хольда*, живущая в реках (см. I, 520, 787); с тем же культом можно связать и дев-лебедей, русалок (см. I, 796), водных и речных духов (см. I, 520, 796), водяных теток и никс. Всем им могли посвящать отдельные реки, ручьи, пруды и источники, считая эти места обиталищем духов и божеств; *Эгир* (см. I, 482, 483) и *Ран* (см. I, 566, 796) правили на море, а волны звались их дочерьми; всё это придает почитанию водной стихии особый характер. Приведу еще несколько примеров этого естественного, хотя и не обязательного сочетания грубого культа воды с верой в высших существ.

Тот, кто переплывал реку или переходил ее по мосту, опасался власти живущего в реке демона (см. I, 796) — а по шведскому поверью (см. раздел «Шведские суеверия», № 40) при переходе реки в темноте необходимо *трижды плюнуть*, чтобы отпугнуть всякое зло[33]. Предосторожности соблюдались и при зачерпывании воды из источника. Современные греки на острове Миконос, прежде чем набрать воды, *трижды приветствуют* Телони, речного духа[34]. Воры могли бросать в воду часть награбленного (см. раздел «Суеверия», № 836), что считалось жертвой для водяного духа. В «Житии святого Сульпиция Буржского» († 644) рассказывается (*Acta Bened.*, II, 172): gurges quidam erat in Virisionensium situs agello (Вьерзон, в Буржской области), aquarum mole copiosus, utpote *daemonibus consecratus*: et si aliquis causa qualibet ingrederetur eundem, repente *funibus daemoniacis* circumplexus amittebat crudeliter vitam [водоворот около Вьерзона, изобильный водой, считался *посвященным демонам*: если кто-нибудь по какой-то причине заходил туда, то его внезапно опутывало *дьявольскими веревками*, и он мучительно расставался с жизнью]. Что касается собственно культа воды, то особенно интересно здесь свидетельство Григория Турского, который так рассказывает об озере возле горы святого Илария (Greg. Tur., *De gloria confess.*, II): mons erat in gabalitano territorio (Gevaudan) cognomento Helanus, lacum habens magnum. Ad quem certo tempore multitudo rusticorum, *quasi libamina lacui illi exhibens*, linteamina projiciebat ac pannos qui ad usum vestimenti virilis praebentur: nonnulli ianae vellera, plurimi etiam formas casei[35] ac cerae vel panis, diversasque species unusquisque juxta vires suas quae dinumerare

---

[32] См. раздел «Суеверия», № 342: когда ленивая девушка первый раз возвращается домой с покоса, ее обливают водой.

[33] Плевки для духов невыносимы (см. I, 813).

[34] См. Maltebrun, *Annales de voy.*, II, 180; Артемидор в «Онейрокритике» (Artemidor, *Oneirocrit.*, II, 27 (ed. Reiff — I, 189) упоминает *колодезных нимф*: νύμφαι τε γάρ εισιν ἐν τῷ φρέατι [нимфы, живущие в колодцах]. В Fauriel, II, 80: τὸ στοχειὸν τοῦ ποταμοῦ [речной дух].

[35] Formages, откуда слово fromages [сыр].

perlongum puto. Veniebant autem cum plaustris potum cibumque deferentes, *mactantes animalia et per triduum epulantes*. Quarta autem die cum discedere deberent, anticipabat eos *tempestas* cum tonitruo et coruscatione valida; et in tantum imber ingens cum lapidum violentia descendebat, ut vix se quisquam eorum putaret evadere. Sic fiebat *per singulos* annos, et involvebatur insipiens populus in errore [на жавольской территории (Жеводан) была гора, названная в честь Илария, около которой было большое озеро. В определенное время года туда толпой приходили сельские жители, которые совершали *некие возлияния для этого озера*; они бросали туда льняные ткани и тряпки, служившие людям одеждой: некоторые бросали туда же мотки шерсти, другие отправляли в озеро формы для сыра, воска или хлеба, а также многие другие предметы, каждый по своему выбору, — всё перечислять будет слишком долго. Люди приходили со своими повозками, принося с собой еду и питье; у озера они *забивали животных и пировали в течение трех дней*. Когда на четвертый день они собирались уходить, то начиналась *буря* с громом и молниями; ливень с градом был такой силы, что, казалось, уйти живым уже никому не удастся. Так случалось *каждый год*, но эти глупые люди не отступали от своих заблуждений]. Здесь не упоминается ни бог, ни дух — ежегодное жертвоприношение совершалось для самого озера; под конец пира начиналась *гроза*. Гервасий Тильберийский так рассказывает об озере у горы Канигу в Каталонии (см. Leibnitz, I, 982): in cujus summitate *lacus* est aquam continens subnigram et in fundo imperscrutabilem. Illic *mansio* fertur esse *daemonum* ad modum palatii dilatata et janua clausa; facies tamen ipsius mansionis sicut ipsorum daemonum vulgaribus est incognita ac invisibilis. In lacum si quis aliquam lapideam aut aliam solidam projecerit materiam, statim *tanquam offensis daemonibus*, *tempestas erumpit* [на вершине этой горы есть *озеро*, черное и бездонное. Говорят, что в озере стоит жилище демонов, большое, как дворец, а вход туда закрыт; внешний вид этого жилища, равно как и самих демонов, не видан и народу не известен. Если в озеро бросить камень или любой другой твердый предмет, то *это обижает демонов*, *и из-за этого поднимается буря*][36]. За этим следует история о девушке, которую водяные забрали и продержали у себя семь лет.

Озера не терпят, когда люди измеряют их глубину. На озере *Муммельзее* замерщики опустили гирю на такую глубину, что им потребовалось девять мотков

[36] И германцы, и кельты, и финны верили, что, *бросая камни в озеро или в речку*, можно вызвать бурю. Водяной мстит за осквернение священного водоема. Ср. со сказаниями об озере Муммельзее (*Deutsche Sag.*, № 59; *Simplic.*, V, 9), о Пилатовом озере (Lothar, *Volkss.*, 232; Dobenek, II, 118; Gutslaff, 288; Mone, *Anz.*, IV, 423), об озере Камарина на Сицилии (о нем говорится — Camarinam movere [тревожить Камарину]) и, особенно, — об источнике Барантон в Броселианде (*Iwein*, 553—672): правда, в последнем случае гроза приходит от того, что воду из источника проливают на камни (см. II, 22 и ср. с Beneke, 269, где речь идет об одном месте в Понте). Дождь призывали еще с помощью *lapis manalis* [камня манов] (O. Müller, *Etr.*, II, 97).

каната, но дна не нашли; тут плот, на котором они сидели, вдруг начал тонуть, и им пришлось, ища спасения, быстро плыть к берегу (*Simplic.*, V, 10). Один человек на лодке доплыл до середины *Титизее*, и там с отвеса начал опускать в озеро длиннейший шнур; тут из воды послышался жуткий крик: «измерь меня, и я тебя сожру!». Испугавшись, этот человек отказался от своей затеи, и с тех пор никто не отваживался измерить глубину этого озера (Mone, *Anz.*, VIII, 536). В Thiele, III, 73 приводится аналогичное сказание об озере *Хунтзё* — его глубину пытались измерить, опуская в воду лемех на веревке, но тут послышались голоса духов: «i maale vore vägge, vi skal maale jeres lägge!» [измерьте наши стены, и мы измерим ваши кости (?)]. Перепуганные люди вытащили из воды веревку, а вместо лемеха на ее конце висел старый лошадиный череп.

По эстонской традиции новобрачная должна бросить подарки *в колодец*; вообще, судя по всему, для эстонцев культ воды особенно характерен. Сохранился подробный рассказ о *Wöhhanda*, священной речке в Лифляндии. Ее исток — в Инегерве, деревне в эстонском округе Оденпе; эта речка сливается с Меддой и впадает в озеро Пейпус [Псковско-Чудское]. Исток находится в *священной роще*, в которой нельзя рубить деревья или ломать ветки: кто преступит этот запрет, тот обязательно в том же году умрет. Чтобы ручей и исток не загрязнялись, их ежегодно очищали; если в этот источник или в озерцо, через которое он протекает, что-нибудь бросали, то начиналась *гроза* [12].

В 1641 году Ганс Ом из Зоммерпаля, чужестранец, явившийся на эстонскую землю вместе со шведами, стал владельцем этого участка и построил у ручья мельницу; на протяжении нескольких лет урожаи у него были ничтожными, что эстонцы объясняли осквернением *священного источника* — нельзя было преграждать его течение; наконец местные напали на мельницу, сожгли ее и разрушили все находившиеся в воде сваи. Ом подал жалобу в суд, и крестьян признали виновными; чтобы избежать появления новых, еще более жестких бунтовщиков, землевладелец приказал пастору Гутслафу, тоже немцу, составить специальный трактат[37] против такого рода суеверий. С уверенностью из этого трактата можно почерпнуть лишь то, что в почитании этого ручья прослеживались ненавистные для христиан черты языческого культа. На вопрос о том, как непогода может зависеть от ручьев, рек и озер, эстонцы отвечали: «это наша древняя вера, так нас научили предки» (см. Gutslaff, *Bericht*, 25, 258); мельницы на этом ручье горели и раньше (см. Gutslaff,

[37] Этот трактат носит название «Kurzer Bericht und Unterricht von der falsch heilig genandten Bäche in Liefland Wöhhanda. Daraus die unchristliche Abbrennunge der Sommerpahlschen Mühlen geschehen ist. Aus christlichem Eifer wegen des unchristlichen und heidnischen Aberglaubens gegeben von Joh. Gutslaff, pomer. Pastorn zu Urbs in Liefland» (Dorpt, 1644), 407 S. (без посвящения и предисловия, в 8 книгах; отрывок напечатан в *Suomi*, IX, 79—92).

Bericht, 278) — «застоя воды он не терпит». По-эстонски священный ручей называется «pöha jögge», по-латышски — «schwäti ubbe». С помощью этого ручья можно было управлять погодой; если людям нужен дождь, то достаточно *бросить* что-нибудь в воду (Gutslaff, *Bericht*, 25). Однажды в озере утонули три быка, из-за этого начались морозы и пошел снег (Gutslaff, *Bericht*, 26). Иногда из ручья выходил «парень в голубом и желтом чулках» — то есть, очевидно, дух ручья.

Еще одно эстонское сказание посвящено *озеру Эйм*, которое сменило свой бассейн. На берегах его жили грубые и злые люди: они никогда не косили луга, омываемые озером, никогда не засевали полей, которые озеро делало плодородными, — они только грабили и убивали, так что чистые озерные воды постоянно оказывались залиты кровью. Озеро возгоревало; однажды вечером оно созвало всю рыбу и вместе с ней подпрыгнуло в воздух. Грабители услышали шум и закричали: «Эйм ушел из берегов, пойдем собирать рыбу и сокровища!» Но на месте озера не было рыбы и вообще ничего, кроме змей, ящериц и жаб, которые повыползали из своих нор и стали жить среди разбойников. Озеро же поднималось всё выше и выше в небеса, оно плыло, подобно белому облаку; охотники в лесах говорили: «Что за непогода на нас надвигается?», а пастухи спрашивали: «Что за белый лебедь летит в вышине?» Целую ночь озеро проплавало под звездами, а наутро жнецы увидели, как оно опускается на землю: белый лебедь стал белым кораблем, а корабль превратился в темную тучу; из нависших вод прозвучал голос: «Собирайте урожай, а потом я стану жить с вами». Крестьяне с радостью поприветствовали озеро, оно опустилось на землю и растянулось во все стороны на своем новом месте: теперь оно орошало все близлежащие поля и луга. Люди же привели это место в порядок, выстроили дамбы и высадили деревца на берегу, чтобы озеру было прохладнее. Этот район стал процветать, нивы крепли и зеленели, а люди танцевали вокруг озера с такой радостью, что даже старики молодели[38].

Греки и римляне персонифицировали *реки* в образах мужчин; бородатый старик изливает родник из урны (см. II, 9, 20). Гомер прекрасно изобразил противоборство стихий в столкновении Скамандра и Гефеста: река-бог в этом описании

[38] Fr. Thiersch, *Taschenbuch für Liebe und Freundschaft* (1809), 179. *Эйм* — это, возможно, то же, что *Эмбах* (то есть «материнский ручей», от emma — мать; ср. с öim — теща) — река в Дорпате [Тарту], о которой есть еще такая легенда. Бог, сотворив небо и землю, решил дать зверям короля, который установил бы среди них порядок; и приказал бог животным вырыть широкое и глубокое русло для Эмбаха, у которого они и примут своего короля, а тот станет прогуливаться по берегу; из вырытой земли должен был получиться холм, на котором будет стоять королевский замок. Все звери взялись за работу: заяц делал замеры, лис хвостом намечал изгибы будущей речки; когда русло было готово, бог налил туда воду из своей золотой чаши (*Verhandl. der esthn. Gesellschaft* (Dorpat, 1840), I, 40—42). В обоих сказаниях описывается, хотя и по-разному, подготовка нового места для водоема.

зовется *ἄναξ* [королем] (*Od*., V:445, 451). *Ганг* у индийцев тоже считался одним из высших божеств. Маленькими речками и ручьями заведовали нимфы[39]. В немецком языке большинство *названий рек* — женского рода (см. *Gramm*., III, 384—386), что указывает на веру в речных духов женского пола. В *Sæm*., 43[b] и в Sn., 4 перечислено двенадцать или восемнадцать рек подземного мира. Особо выделю реку *Leiptr* — ее чистой водой люди клялись (так же, как греки клялись Стиксом и Ахероном). *Sæm*., 165[a]: «at eno liosa *Leiptrar* vatni» [ты клялся чистой водой *Лейптра*]. В немецкой традиции дух Рейна нигде не называется по имени, однако в «Эдде» упомянута *Rîn* svinn, âskunna (prudens, a diis oriunda [благоразумная, рожденная от богов Рин]; *Sæm*., 248[a]). Считалось, что на дне Рейна — золото и другие сокровища. Готы похоронили Алариха, своего возлюбленного правителя, на дне реки возле Козенции (Козенцы): для этого они сначала отвели воду, а затем снова пустили реку течь над могилой (Jornandes, XXX); франки перед тем, как переходить реку вброд, совершали жертвоприношения (см. I, 199).

То место, где зеленый луг оказывался окружен священными речными водами, называлось *Aue*, и считалось, в чем мы уже многократно убеждались, обиталищем богов; ср. с Wunsches ouwe (см. I, 344), Pholes ouwa (см. I, 467)[40]. Высоко почитались и острова, омываемые чистой морской водой: ср. с островами Фозете (см. I, 471) и Нерты (см. I, 500).

Эгир (см. I, 482, 483) и Ран (см. I, 566) жили в *морях*; волны звались их дочерьми — в «Эдде» поименованы *девять волн* (Sn., 124; ср. с загадками в «Саге о Хервёр»); это напоминает о *nona unda* [девятом вале] в *Waltharius*, 1343 и о fluctus decumanus [десятом вале]. Был, скорее всего, и другой морской бог: Гебан (см. I, 485, ср. с I, 566). По «Эдде», на дне морском лежит чудовищный змей, miðgarðsormr, кусающий свой хвост и опоясывающий всю землю. Океан из-за его необъятности (*marisáivs* по-готски) называли по-древневерхненемецки *endilmeri* и *wendilmeri* (Graff, II, 829): ср. с enteo и wenleo (см. I, 904), entil и wentil (см. I, 561). Древнеанглийское понятие *gârsecg* я постарался объяснить в *Zeitsch. f. d. A.*, I, 578. Река не выносит, если в ее воды входит злодей, и о море тоже сказано: daz *mer* so reine, daz ez keine bôsheit mac gelîden [*море* столь чистое, что никакого злодейства не потерпело бы] (*Wiener Merfart*, 392) [13].

---

[39] Судя по количеству памятников, воздвигнутых римлянами в честь речных божеств, культ рек и ручьев у этого народа был весьма развит. У Тацита (Tac., *Ann*., I, 79): sacra et lucos et aras *patriis amnibus* dicare [посвящать *родным рекам* святилища и алтари].

[40] В «Райхенауской хронике» Галла Оэма (конец XV века) говорится: «по сей день этот остров считается *досточтимым* и *священным*; там не хоронят некрещеных младенцев — их уносят к часовенке с изображением святого (оно называется chindlibild)» (Schönhuth, *Reichenau* (Freiburg, 1836), S. V).

2. Огонь

Огонь[41], как и воду, считали *живым существом*; наравне с понятием quecprunno [живой источник] (см. II, 13) использовался и термин *quecfiur* [живой огонь], daz quecke fiwer (*Parz.*, 71:13); в сербском — «ватра *жива*» [*живой* жар] (Vuk, I, S. XLVI), «огањ живи» [*живой* огонь] (Vuk, III, 8, 20); τὸ πῦρ θηρίου ἔμψυχον [огонь — живое существо] у египтян (Herod., III, 16); ignis *animal* [*одушевленный* огонь] (Cic., *De N. D.*, III, 14); пожирающий, голодный, ненасытный зверь, vorax flamma [прожорливое пламя]; frekr (avidus [голодный]; *Sæm.*, 50[b]); bitar fiur [кусающийся, злой огонь] (*Hel.*, 78:22), bitar logna [злое пламя] (*Hel.*, 79:20), grâdag logna [пожирающее пламя] (*Hel.*, 130:23), grin endi grâdag [страшный и прожорливый] (*Hel.*, 133:11), eld unfuodi (insatiabilis [ненасытный огонь]) (*Hel.*, 78:23); огонь облизывает языком, пожирает, *гонит на выпас — νέμεται* (*Il.*, XXIII:177); он дочиста выедает землю: πυρὶ ξθὼν νέμεται [огнем пожраны земли] (*Il.*, II:780); в древнескандинавском — lêztu eld *eta* iöfra bygdir [дал огню *пожрать* дома правителей] (*Sæm.*, 142[a]); огонь *неутомим — ἀκάματον* πῦρ (*Il.*, XXIII:52). С речами обращаются только к живым существам; ср. с heitr ertu hripuðr! (ты горяч, огонь; *Sæm.*, 40[a]). У персов огонь был божеством, и индийский Агни = ignis тоже считался божественным. По «Эдде», огонь — брат ветра и моря, а значит, как и они, одушевлен и божественен (Sn., 126). У немцев эту стихию сравнивают с петухом, перелетающим от дома к дому: «я посажу тебе на крышу *красного петуха*» — это угроза поджога; ein *roten han* aufs stadel setzen [посадить на сарай *красного петуха*] (H. Sachs, IV, 3:86[d]); *rôter schîn* [красное сияние] (*Gudr.*, 786:2).

О древнем языческом обозначении мирового пламени (древнескандинавское *muspell*, древневерхненемецкое и древнескандинавское *muspilli*, *mudspelli*, *mutspelli*) речь уже заходила в I, 899; мифологический смысл этого термина будет раскрыт в дальнейшем, а само слово означает ligni perditor [уничтожающий деревья]: огонь в целом тоже называли *bani viðar*, *grand viðar* [погибелью леса, сокрушителем леса] (Sn., 126), *her alls viðar* [разорителем всех лесов] (*Sæm.*, 228[b]). В *Sæm.*, 83[b] встречается еще такой сложный для понимания оборот, как *eikin fur* [дубовый огонь]. К термину *vafrlogi* («дрожащий огонь»; стена огня — Waberlohe), в связи с которым можно вспомнить средневерхненемецкое «daz *bibende* fiwer», мы также еще вернемся в дальнейшем; о блуждающих огоньках см. главу XXXI [14].

Культ огня как таковой был, судя по всему, распространен меньше, чем культ воды; из всех источников упоминание об огнепоклонстве мне встретилось только в древнеанглийском церковном запрете (см. I, 291). Частично почитание

[41] Различные названия огня рассмотрены мною в *Gramm.*, III, 352; эддические обозначения см. в *Sæm.*, 50[b] и в Sn., 187, 188.

огня проявлялось и в преклонении перед освещающим и согревающим *солнцем*; уже Юлий Цезарь (см. I, 292) упоминает *Солнце* и *Вулкана* вместе — в «Эдде» *огонь* и *солнце* тоже поставлены рядом друг с другом и названы божественными: *eldr* er beztr med ŷta sonum ok *sôlar* sŷn [для человека лучше всего *огонь* и сияние *солнца*] (*Sæm*., 18[b]; а у Пиндара: «лучше всего на свете — вода»). Слова «observatio pagana in *foco*» [языческие наблюдения за *очагом*] (см. раздел «Суеверия», B, XVII) я отношу к пламени очага или печи; где горит очаг, туда не ударяет молния (см. раздел «Суеверия», № 126); если огонь в очаге потрескивает, то грядет распря (см. раздел «Суеверия», № 322, 534). Ср. с норвежскими представлениями (см. I, 487); пока ребенок не крещен, нельзя *гасить огонь в очаге* (см. раздел «Шведские суеверия», № 22); ср. с понятиями *kasta eld*, *taga i elden* [бросать огонь, брать огонь] (см. раздел «Шведские суеверия», № 24, 25, 54, 68, 107).

У эстонцев было принято бросать в огонь (как и в воду) *дары* (см. раздел «Суеверия», № 11); чтобы утихомирить огонь, ему *в жертву приносили курицу* (см. раздел «Суеверия», № 82).

Делалось различие между полезным и пагубным огнем — так, греки считали сернистое пламя дружественным для человека, а серу называли θεῖον, божественным курением (*Il*., VIII:135; *Od*., XXII:481, 493); в старофранцузских поэмах часто можно найти такие ругательства, как «*mal feu* arde!» [гори *дурным пламенем*!] (*Tristr*., 3791); «*maus feus* et *male flambe* m'arde!» [да спалят меня *дурной огонь* и *злое пламя*!] (Méon, III, 227, 297; *Ren*., 19998). Скандинавский Локи олицетворяет собой губительное пламя; Локи или дьявол *вырываются на свободу*, и об огне тоже говорят, что он *срывается* (как бы с цепи), *вырывается*, *освобождается* (как бы из-под стражи): «worde vür los» (из документа, процитированного в Sartorius, *Hanse*, [II], 27); в Нижней Германии о пожаре традиционно оповещали криком «für los!» [огонь вырвался]; по-древнескандинавски — «einn neisti (искра) vard laus».

В заклинаниях об огне говорится как о некоем высшем и враждебном существе, с которым человек может тягаться лишь с большим трудом. Тацит рассказывает, как убии потушили вырывавшийся из земли огонь (Tac., *Ann*., XIII, 57): residentibus flammis propius suggressi ictu fustium aliisque verberibus *ut feras* (об этом см. II, 28) absterrebant, postremo tegmina corpore direpta injiciunt, quanto magis *profana* et *usu polluta*, tanto magis oppressura ignes [они отпугивали огонь, *как зверя*, ударяя по нему дубинами и другим оружием, а затем набрасывали на пламя сорванную с себя одежду: тем лучше она подавляла огонь, чем была *изношеннее* и *грязнее*]. Чтобы спасти ценности, охваченные пламенем, на огонь бросали одежду, которая *касалась кожи*, или землю, *притоптанную ногой*. Руперт Дойцский в своем сочинении «De incendio oppidi Tuitii» [О пожаре в городе Дойц] (1128 год) рассказывает, что прямо в огонь кто-то бросил белое алтарное покрывало (corporale): огонь не потух, но и не охватил ткань, а *выбросил ее назад*. Покрывало осталось неповрежденным, но на нем появилась

красная полоса. Вспомним, что аналогичным образом одежду бросали в озера (см. II, 24). Огонь, вырывающийся из-под земли (iarđeldr), несколько раз упоминается в исландских сагах: под вечер селяне увидели огромного злого человека, плывущего к берегу на железной лодке и копающегося под воротами в конюшню, а ночью из-под земли на разрытом месте вырвалось пламя, пожравшее все дома в округе (*Landn*., II, 5); iarđeldr rann ofan [пламя вышло из-под земли] (*Landn*., IV, 12) [15].

Огонь, которым люди пользовались и который они передавали друг другу, считался непригодным для священнодействий — точно так же святой водой могла быть лишь вода, свеженабранная из источника; вместо мирского, уже как бы использованного огня в ритуалах использовался новый, специально зажженный. Такой огонь назывался *диким* в противоположность укрощенному огню, схожему с домашним скотом; о сражающихся героях говорится: des fiurs ûz den ringen hiuwen si genuoc [из-под их вожжей вырывались клубы пламени] (*Nib*., 2215:1); ûz ir helmen daz *wilde fiwer* von den slegen vuor entwer [от взаимных ударов из-под их шлемов пыхал *дикий огонь*] (*Altd. Bl*., I, 339); daz *fiur wilde wadelende* drûze vlouc [оттуда вылетал *трепещущий дикий огонь*] (*Lanz*., 5306 [чит. 5318]); si sluogen ûf einander, daz *wilde fiur* erschein [они сражались друг с другом, и горел *дикий огонь*] (*Etzels Hofh*., 168) [16]. Огонь, высеченный ударами или трением камней, вполне можно было бы считать новым и свежим, но тем не менее для ритуальной практики он тоже не годился: либо этот метод считался слишком привычным и заурядным (flammam concussis ex more lapidibus elicere [добывать огонь обычным способом: соударением камней] — *Vita Severini*, XIV), либо же рождение огня из *дерева* считалось более благородным и освященным традицией. Если дикий огонь случайно вырывался из-под рук плотника, когда тот, строя новый дом, вбивал гвоздь на месте соединения бревен, это считалось не лучшим предзнаменованием (см. раздел «Суеверия», № 411, 500, 707). Ритуальный огонь, добытый трением древесины, с древних времен назывался *живым* [Notfeuer], а сама процедура его извлечения несомненно восходит к языческим жертвоприношениям. Уже в «Indiculus superstitionum et paganiarum» (пункт 15) говорится «de *igne fricato* de ligno id est *nodfyr*» [об огне, *добытом трением древесины*, то есть о *nodfyr*]; в капитулярии Карломана от 742 года (§5; Pertz, III, 17) запрещаются «illos sacrilegos ignes quos *niedfyr* vocant» [те святотатственные огни, которые называют *niedfyr*][42].

Подготовка живого огня в разных источниках описывается по-разному; на мой взгляд, стоит сравнить все эти рассказы между собой. Линденброг в «Глоссарии к капитуляриям» говорит: rusticani homines in multis Germaniae locis, et festo quidem s. Johannis baptistae die *palum sepi extrahunt, extracto funem circumligant, illumque huc illuc ducunt, donec ignem concipiat*: quem stipula

[42] Писари, незнакомые с этим термином, превратили его в «metfratres»; в «Capitularia spuria Benedicti», I, 2 (Pertz, IV, 2, 46) — «nedfratres».

lignisque aridioribus aggestis curate fovent, ac cineres collectos supra olera spargunt, hoc medio erucas abigi posse inani superstitione credentes. Eum ergo ignem *nodfeur* et *nodfyr*, quasi necessarium ignem vocant [во многих частях Германии сельские жители в день праздника св. Иоанна Крестителя *достают из забора деревянный кол, обматывают его канатом и водят этим канатом туда-сюда, пока кол не загорится*: в этот огонь они аккуратно подбрасывают стебли со стерни и сухую древесину, а собранные угли они насыпают на ботву своих посевов, считая, по пустой суеверности, что так можно сберечь листья от гусениц. Оттого такой огонь называется у них *nodfeur* или *nodfyr*, то есть как бы «необходимым огнем»]. У Рейске (Јон. Reiskius, *Untersuchung des Notfeuers* (Frankf. u. Leipz., 1696), VIII, 51)[43]: «…если среди скота, малого и крупного, разразились вдруг болезни и стадо понесло огромные потери, то крестьянам приходится разжигать *nothfür*, или *nothfeuer*. В назначенный день ни в одном из домов в очаге не должен гореть огонь. Из каждого дома приносят немного соломы, воды и хвороста, а затем *в землю вбивают мощный дубовый кол*, в котором еще просверливают дыру; в это отверстие вставляют *деревянный ворот*, обильно смазанный смолой и дегтем, и вращают его до тех пор, пока от жара и напряжения [Nothzwang] не вспыхнет огонь. Огонь этот сразу же перекидывается на заготовленные материалы и разрастается за счет соломы, вереска и хвороста, пока не превратится в полноценный *nothfeuer*, который еще должен немного растянуться между стенами или заборами — тогда скот и лошадей, подгоняя их палками или кнутами, дважды или трижды проводят по этому месту. В других районах поднимают *два кола* и тоже *вставляют в отверстия валы или вороты* вместе с пропитанной жиром *паклей*. Некоторые используют волосяной или обычный плотный канат, собирают *девять видов древесины* и с силой трут этот канат об дерево, пока не разгорится огонь. Возможно, есть и другие способы добывать или разжигать этот огонь, но целью этого ритуала всегда является исцеление скота. Когда животные пройдут через огонь дважды или трижды, их отводят в хлев или на поле, а собранные куски дерева снова разносят — в некоторых местах каждый глава семьи забирает с собой головню, тушит ее в корыте или в ведре и на какое-то время оставляет лежать в кормушке для скота. Использованные жерди и вороты после того, как скот трижды прогнали возле них, крестьяне иногда забирают как древесину для розжига, а иногда просто где-нибудь аккуратно складывают». В Марбургских постановлениях от 1605 года содержится приказ взять *новое колесо от телеги* с еще ни разу не использованной осью и крутить его до тех пор, пока не появится огонь, которым следует зажечь балки между воротами, а затем через эти ворота провести весь крупный скот; до всего этого *горожане обязаны затушить очаги в домах*, а затем, передавая друг другу живой свежедобытый

[43] Иоганн Рейске был директором школы в Вольфенбюттеле; ср. с Gericke, *Schottelius illustratus* (Lp., 1718), 66; Eccard, *Fr. or.*, I, 425.

огонь, зажечь их заново[44]. В Kuhn, *Märkische Sagen*, 369 упоминается, что обычай добывать *живой огонь* распространен во многих районах Марки: чаще всего этот обряд совершают, если у кого-то заболели свиньи. Перед рассветом в торжественной тишине в землю вкапывают *два кола* из сухого дерева, которые затем растирают пеньковыми веревками до тех пор, пока дерево не разгорится; тогда в огонь бросают листья и ветки и проводят свозь него больных животных. Кое-где огонь добывают вращением *старого* колеса. Следующее описание, самое позднее из имеющихся, составлено в Хоэнхамельне, в гильдесгеймском районе Бальденберг: во многих областях Нижней Саксонии, особенно в гористой местности, распространен обычай добывать так называемый *дикий огонь*, через который проводят сначала *свиней*, затем *коров*, затем *гусей*[45]. Обряд совершается таким образом: собираются головы и весь приход, каждый крестьянин получает уведомление о том, что в домах нужно *затушить всякий огонь*, чтобы во всей деревне не горело ни единой искры. Затем, обычно под вечер, старики и молодежь идут к оврагу; женщины несут лён, мужчины — древесину и паклю. *Две дубовых сваи* вкапывают в землю на расстоянии полутора футов друг от друга; в каждой свае должны быть углубления, одно напротив другого, в которые могла бы войти распорка толщиной в руку. Отверстия эти *набивают льном*, а затем как можно плотнее вгоняют туда поперечник; сверху колья должны быть при этом связаны веревками. Круглые, гладкие распорки обвязывают канатом, за концы которого с обеих сторон берутся сразу по несколько человек, которые начинают тянуть канат, заставляя распорку быстро вращаться, пока лён в отверстиях не загорится. Летящие изо льна искры попадают на паклю или очески, которые носят по кругу, пока из них не вырвется чистое пламя, которое тогда переносят на солому, а с соломы — на хворост, выложенный в овраге слоями. Когда древесина отчасти прогорает и огонь постепенно начинает затухать, люди быстро приводят свои стада, заранее пригнанные поближе, и заставляют животных, одно за другим, проходить через тлеющие угли. Когда пройдет вся скотина, молодежь начинает резвиться среди пепла и углей, осыпая и пачкая друг друга; особенно сильно испачкавшиеся в качестве победителей возвращаются в деревню сразу после животных и долгое время после этого не моются[46]. Если распорку долго вращают, а лён никак не загорается, то, значит, где-то в деревне остался огонь, потому стихия и отказывается открыться; в таком случае производится строгий обыск всех домов, во время которого тушат любой найденный огонек — хозяин дома, не погасивший огня, подвергается штрафу или всеобщему осуждению. Добыть *дикий огонь* можно только трением, его

---

[44] *Zeitschr. des hss. Vereins*, II, 281.

[45] Ни слова не говорится об *овцах*; скорее всего, петухов и кур тоже проводили по углям, что объяснило бы происхождение малопонятной пословицы из *Reinh.*, XCIV.

[46] Наверное, в деревню еще приносили уголек или огонек, чтобы заново разжечь все очаги?

высечение камнями или сталью не допускается. В некоторых деревнях ритуал совершают не ежегодно с целью предупреждения падежа, а только тогда, когда животные уже заболевают.

Эти описания достаточно подробны, но некоторые мелкие детали (которые можно наблюдать по крайней мере в отдельных регионах) в них всё же опущены. Например, в Гальберштадте веревки, закрепленные на деревянных валиках, должны тянуть два *непорочных мальчика*[47]. Традиция добывать живой огонь более распространена и дольше сохраняется на севере Германии[48], хотя знают о ней и на юге. В округе Аппенцелля у детей есть такая игра: нужно *растирать* веревкой кусок дерева, *пока тот не загорится*; это называется *de tüfel häle* — «оскоплять дьявола», лишать его силы[49]. Шмеллер и Штальдер об этом не рассказывают, зато в Tobler, 252[b] упоминается, что мальчишки называют «*de tüfel häla*» такую процедуру, когда через отверстие в остроконечном куске дерева продевают шнур, который начинают быстро двигать до появления огня. Название этой игры может отсылать к Локи, богу огня и дьяволу (см. I, 487, 488). Н. Гризе говорит (цитату я приведу в дальнейшем) о добывании огня путем *распиливания* дерева — ср. с символическим распиливанием старухи. Варфоломей Каррихтер, лейб-медик Максимилиана II, в своем трактате «Practica» описывает магическую купальню, которую нельзя согревать простым (то есть высеченным) огнем (цитирую по Wolfg. Hildebrand, *Von der Zauberei* (Lp., 1631), 226): «иди к яблоне, *пораженной молнией*, и пусть тебе сделают из ее дерева пилу, которой затем начинай *пилить деревянный порог*, через который прошло множество людей — пили его, пока он не разгорится. Подготовь костер из березовых грибов, подожги его этим огнем и так разогревай баню, да следи во все глаза, чтобы огонь не потух» [17].

Само слово *nôtfiur* вполне можно производить от nôt (necessitas [нужда, необходимость]): это связано то ли с тем, что огонь принуждали явиться, а скот — пройти по углям, то ли с тем, что ритуал этот проводился во времена нужды, мора. Но я предположил бы и другое этимологическое объяснение: формы notfiur, nodfiur могут происходить от древних *hnotfiur*, *hnodfiur* с корнем hniudan (древневерхненемецкое hniotan, древнескандинавское hnioða) — quassare, terere, tundere [сотрясать, тереть, ударять][50]; соответственно, notfiur — это огонь, добытый сотрясением, трением, соударением.

---

[47] Büsching, *Wöchentliche Nachr.*, IV, 64; огонь, исцеляющий рожистые воспаления, тоже должен был высечь непорочный мальчик (см. раздел «Суеверия», № 710).

[48] Ср. с Conring, *Epist. ad Baluz.*, XIII; Gericke, *Schottelius*, 70; Dähnert, статья «noodfür».

[49] Zellweger, *Gesch. von Appenzell* (Trogen, 1830), I, 63: отмечается, что пеплом, оставшимся после ритуала, посыпали поля, чтобы защитить их от вредителей.

50 Древневерхненемецкие pihniutit (excutit [стряхивает]; *Gl. Ker.*, 251), hnotôt (quassat [сотрясает]; *Gl. Ker.*, 22), hnutten (vibrare [дрожать]; *Gl. Ker.*, 282); у Ноткера — fnotôn (quassare [сотрясать]; N., *Ps.*, 109:6; N., *Bth.*, 230); ср. с nieten (ударять). В древнескандинавском корень

В Швеции живой огонь называют *vrideld* или *gnideld*: первая форма — от vrida (torquere, circumagere [вращать, крутить]; древнеанглийское vrîđan, древневерхненемецкое rîdan, средневерхненемецкое rîden), вторая — от gnida (fricare [тереть]; древневерхненемецкое knîtan, древнеанглийское gnîdan (conterere, fricare, depsere [молоть, тереть, месить])).

Живой огонь в Швеции, как и в Германии, добывали путем интенсивного трения двух кусков дерева друг о друга; в некоторых районах этот обычай сохранялся вплоть до конца XVIII века; иногда шведы тоже использовали сучья с *девяти видов деревьев*[51]. Дым, поднимавшийся над *gnideld*, считался целебным; в народе верили, что *окуренные* этим дымом фруктовые деревья становятся плодороднее, а в продымленные сети попадает больше рыбы. Об окуривании *vriden eld* [огнем вращения] и о вождении скота через дым см. раздел «Шведские суеверия», № 89, 108. Очевидно, что в языческие времена живой огонь должны были использовать и по другим поводам: в христианской Германии этот обряд отправлялся только с целью излечения скота, однако некоторые другие суеверные практики (например, разжигание *девяти сортов дерева* девочками под Рождество — см. раздел «Суеверия», № 955) указывают на то, что в былые времена живой огонь применялся шире [18].

На севере Англии верят: если «ангел валит дерево» (strikes a tree), то из этого дерева можно добыть живой огонь; выходит, трению подвергали только древесину с самостоятельно упавших от ветра деревьев? или же глагол «strike» здесь означает не «валить», а что-то другое?

Более важны для нас шотландские и ирландские церемонии, описание которых я с удовольствием привожу здесь со слов самих местных жителей. За нижеприведенное сообщение, относящееся к 1767 году, я благодарю мисс Остин с острова Малл, что на восточном берегу Шотландии. «In consequence of a disease among the black cattle the people agreed to perform an incantation, though they esteemed it a wicked thing. They carried to the top of Carnmoor a *wheel* and *nine spindles of oakwood*. They extinguished every fire in every house within sight of the hill; the wheel was then turned from east to west *over the nine spindles*

---

hniođa сохраняется в таких словах, как hnođ (tudes, malleus [молоток, молот]), hnođa (depsere [месить]), hnuđla (subigere [растирать]). Формы hnôtfiur и hnotfiur (hnutfiur) могли использоваться в зависимости от того, какой гласный управляет чередованием: указывающий на единственное или на множественное число. Возможно, не стоит даже настаивать на наличии в древней форме слова начального *h*: слово может быть связано с древневерхненемецким глаголом niuwan (древнескандинавским nûa) — terere, fricare [тереть, растирать], — от которого произведено существительное nôt. Можно ли предположить, что и само слово nôt, náuþs, nauđr (necessitas [нужда, необходимость]) изначально связывалось с нажимом и давлением (ср. с Graff, II, 1032; IV, 1125)?

[51] См. Ihre, *De superstit*., 98; Ihre, *Glossar*, статья «wredeld»; см. также статью Финна Магнусена в *Tidskr. for nord. oldk*., II, 294 (основано на словах Ф. Вестердаля); ср. с bjäraan — названием колдовской принадлежности (см. главу XXXIV).

long enough to produce fire by friction. If the fire were not produced before noon, the incantation lost its effect. They failed for several days running. They attributed this failure to the obstinacy of one householder, who would not let his fires be put out for what he considered so wrong a purpose. However by bribing his servants they contrived to have them extinguished and on that morning raised their fire. They then *sacrificed a heifer*, cutting in pieces and burning, while yet alive, the diseased part. They then lighted their own hearths from the pile and ended by feasting on the remains. Words of incantation were repeated by an old man from Morven, who came over as master of the ceremonies, and who continued speaking all the time the fire was being raised. This man was living a beggar at Bellochroy. Asked to repeat the spell, he said, the sin of repeating it once had brought him to beggary, and that he dared not say those words again. The whole country believed him accursed» [из-за болезней крупного рогатого скота люди согласились провести колдовскую процедуру, хотя и считали это делом нечестивым. На вершину Кернмура затащили *колесо* и *девять дубовых осей*. Во всех домах, какие можно было увидеть с холма, погасили всякий огонь; затем колесо стали вращать с востока на запад *на девяти осях* до тех пор, пока от трения не появится огонь. Если огонь не удавалось добыть до полудня, то ритуал лишался силы. Несколько дней подряд ничего не получалось. Неудачи эти списали на сопротивление одного домохозяина, который считал проведение ритуала недопустимым и отказался гасить огонь в своем доме. Подкупив его слуг, участники обряда всё же добились своего: огонь в доме этого человека был погашен, и в то же утро разгорелось ритуальное пламя. Затем *принесли в жертву телку*: пораженную болезнью часть ее тела вырезали и бросили в огонь, пока телка еще была жива. Затем люди вновь разожгли свои очаги ритуальным огнем, и всё завершилось пиром на останках. Старик из Морвена, который возглавлял церемонию, повторял слова заклинания всё время, пока разжигали огонь. Этот человек стал нищим в Беллокрое. Когда его попросили прочитать заклинание, он ответил, что однажды уже согрешил и повторил его, отчего и стал нищим, и что больше он не отважится произносить эти слова. Все верили, что он проклят] [19].

На шотландских высокогорьях (особенно в Кейтнессе) живой огонь до сих пор используется — в основном, для противодействия болезням скота, насланным колдовским, сверхъестественным образом[52]. «To defeat the sorceries, certain persons who have the power to do so are sent for to raise the needfire. Upon any small river, lake, or island, a circular booth of stone or turf is erected, on which a *couple*, or *rafter of a birchtree*, is placed, and the roof covered over. In the centre is set a *perpendicular post*, fixed by a wooden pin to the couple, the lower end being placed in an oblong groove on the floor; and *another pole is placed horizontally*, between the upright

[52] Это описание я заимствую из James Logan, *The scottish Gaël or celtic manners as preserved among the Highlanders* (Lond., 1831), II, 64, хотя и там автор почти дословно повторяет рассказ из Jamieson, *Supplement to the scotish dict.*, статья «neidfyre».

post and the leg of the couple, into both which, the ends, being tapered, are inserted. This horizontal timber is called the *auger* (бур), being provided with four short arms, or spokes, by which it can be turned round. As many men as can be collected are then set to work, having first *divested themselves of all kinds of metal*, and two at a time continue to turn the pole by means of the levers, while others keep driving wedges under the upright post so as to press it against the auger, which by the friction soon becomes ignited. From this the need-fire is instantly procured, and *all other fires being immediately quenched*, those that are *rekindled* both in dwellinghouse and offices are accounted *sacred*, and the cattle are successively mad [made] to smell them» [чтобы разрушить чары, людей, способных это сделать, отправляют зажигать живой огонь. На какой-нибудь маленькой речке, на озере или на островке они устанавливают округлую основу из камня или дерна; на нее взгромождают *стропило* или *балку из березы*, накрывая крышу. В центр помещают *перпендикулярный кол*: сверху его прикрепляют к стропилу деревянным штифтом, а нижний его конец помещают в прямоугольный желоб на полу; *второй кол располагают горизонтально*, между прямостоящим колом и опорой стропила — в них вставляются концы кола, смазанные воском. Горизонтальный кол называется *буром*, и на нем есть четыре рукояти или ворота, с помощью которых его можно вращать. Затем за работу принимается как можно больше людей: сначала они *снимают с себя всё металлическое*, и одновременно двое начинают вращать кол рычагами, в то время как остальные постоянно подбивают клинья под вертикальный кол, чтобы он давил на бур, который от трения в скором времени загорается. От него немедленно зажигают живой огонь, а *любой другой огонь сразу же гасят*; *заново зажженные* огни — и в домах, и в служебных помещениях — считаются *священными*, скотину заставляют их нюхать]. Приведу и своеобразное описание М. Мартина[53]: the inhabitants here did also make use of a fire called *tinegin*, i. e. a forced fire, or fire of necessity[54], which they used as an antidote against the plague or murrain in cattle; and it was performd thus: all the fires in the parish *were extinguishd*, and then *eightyone* (9 × 9) *married men* being thought the necessary number for effecting this design, took *two great planks* of wood, and *nine* of 'em were employd by turns, who by their repeated efforts *rubbd one of the planks against the other* until the heat thereof producd fire; and from this forcd fire *each family is supplyd with new fire*, which is no sooner kindled than a *pot full of water* is quickly *set on it*, and afterwards sprinkled upon the people infected with the plague or upon the cattle that have the murrain. And this they all say they find successfull by experience: it was practisd on the mainland, opposite to the south of Skie, within

[53] *Descr. of the western islands*, 113.

[54] От tin, — ирландское teine, — «огонь» и egin, — ирландское eigin, eigean, — vis, violentia [сила, насилие]; эта форма свидетельствует в пользу старинного толкования слова Nothfeuer, если только она не представляет собой дословный перевод английского *need*fire.

these thirty years [еще здешние жители использовали огонь, который называется *tinegin*, то есть «принужденный огонь» или «огонь нужды», который считался лекарством от чумы или ящура; добывали его так: во всем приходе *тушили* любой огонь, а затем женатые мужчины в количестве *восьмидесяти одного* (9 × 9) человека, — это необходимое количество людей для осуществления процедуры, — брали *два огромных деревянных кола*, и *девятеро* по очереди *терли один из колов об другой*, пока от жара тот не загорался; каждая семья *получала новый огонь*, который разжигали лишь после того, как на «огне нужды» разогревали сразу же *помещенный туда котелок с водой* — затем водой этой обрызгивали людей, больных чумой, или скот, страдающий от ящура. По опыту все говорят, что этот ритуал обычно увенчивается успехом: на материке, прямо напротив южной оконечности острова Скай, всё это практикуют на протяжении тридцати лет]. Речь здесь идет о том, что на добытом трением огне *кипятили воду*, которая приобретала целительные свойства; Эккард (Eccard, *Fr. or.*, I, 425) тоже рассказывает, что однажды утром в Троицын день он увидел, как конюхи *добыли огонь трением*, а затем *сварили на нем капусту* — считалось, что, съев эту капусту, человек на весь год оказывался защищен от лихорадки. Приведу еще интересную историю из Нортгемптоншира, относящуюся к нынешнему столетию и дополнительно подтверждающую рассказ о жертвоприношении молодой коровы на острове Малл — в Англии тоже практиковалось суеверное забивание теленка ради защиты всего стада от болезней: «miss C— and her cousin walking saw a *fire in a field* and a croud round it. They said: «What is the matter?» — "*Killing a calf*". "What for?" — "To stop the murrain". They went away as quickly as possible. On speaking to the clergyman he made enquiries. The people did not like to talk of the affair, but it appeared that when there is a disease among the cows or the calves are born sickly, they *sacrifice* (i. e. kill and burn) *one* "for good luck"» [прогуливаясь, мисс К— и ее кузина *увидели на поле огонь* и толпу людей. Они спросили: «Что здесь происходит?» — «*Забиваем теленка*». — «Зачем?» — «Чтобы остановить ящур». И женщины поскорее ушли. Они поговорили со священником, и тот навел справки. Люди неохотно об этом рассказывали, но выяснилось, что когда коровы заболевают или когда телята рождаются больными, одного из телят «на счастье» *приносят в жертву* (то есть забивают и сжигают)].

Нет сомнений в том, что живой огонь считался священным не только у германцев и кельтов, но и у других народов. У североамериканского племени криков проводится ежегодный праздник урожая, начинающийся со строгого трехдневного поста, на время которого во всех домах *гасят огонь*. На утро четвертого дня верховный жрец разжигает *новый*, *чистый огонь* путем *трения* двух сухих кусков дерева — огонь этот разносят по всем жилищам, а затем женщины несут домой свежую пшеницу и урожай со жнивья[55]. У арабов живой огонь добывали трением двух кусков древесины с деревьев, которые назывались *Марх*

[55] Fr. Majer, *Mythol. Taschenb.* (1811), 110.

и *Афар*, — одно из них считалось мужчиной, а второе — женщиной. Китайцы говорят, что первым, кто потер деревом об дерево, был император Суй; этот неудобный метод добывания огня считался священным. Индийцы и персы вращают в сухом дереве стебель камыша (Kanne, *Urk*., 454, 455) [20].

Интересно сравнить связанные с добыванием огня древнеримские и древнегреческие обычаи. Во фрагменте из целиком не сохранившегося сочинения Феста (Festus (O. Müll.), 106:2) говорится: *ignis Vestae* si quando interstinctus esset, virgines verberibus afficiebantur a pontifice, quibus mos erat, *tabulam* felicis materiae *tam diu terebrare*, quousque exceptum ignem cribro aeneo virgo in aedem ferret [если *огонь Весты* гас, то жрец сек дев розгами — затем, по традиции, они *сверлили доску* из плодородного дерева до тех пор, пока не появится огонь, который затем дева несла в святилище на бронзовом решете]. *Потухший* священный огонь богини нельзя было просто снова зажечь — эту чистую стихию нужно было заново *добыть*. Для этого доску из отборной древесины со священного дерева сверлили (то есть проворачивали на этой доске специальный вал) до тех пор, пока из нее не посыплются искры. Пронесение огня в храм на *решете* напоминает об аналогичном ношении воды — об этом еще будет сказано подробнее. Плутарх говорит (Plutarch, *Numa*, IX), что новый огонь для храма добывали не трением, но путем отражения солнечных лучей зажигательными зеркалами, помещенными в специальные глиняные сосуды. Греки почитали Гестию как чистое пламя очага[56]. На острове Лемнос, куда Зевс сбросил с небес бога огня Гефеста[57], отправлялся особый культ огня. Ежегодно на девять дней там *тушили всякий огонь* и на корабле привозили новый с Делоса, из священного очага Аполлона; несколько дней этот корабль стоял в море, не приближаясь к берегу, а как только он входил в гавань, каждый брал оттуда живой огонь для дома, и так начиналась *новая жизнь*. Старый огонь уже не считался вполне священным; оставшись на какое-то время без огня, люди должны были осознать подлинную ценность этой стихии [21][58]. В Ирландии, в Килдэре, поддерживали *вечный огонь*, подобный огню Весты, в честь святой Бригитты (†518 или 521); это место было ограждено плетеным забором, за который запрещено было заходить мужчинам; раздувать этот огонь можно было только мехами, не ртом[59]. Способ зажигания этого огня нам неизвестен.

Все эти представления родственны друг другу — обычай извлечения живого огня восходит к глубокой древности. *Колесо* здесь представляется символом солнца, от которого исходят свет и пламя; у этого колеса, я полагаю, было

---

[56] Nec tu aliud Vestam quam *vivam* intellige *flammam* [Весту не представляй себе иначе, чем как *живое пламя*] (Ovid, *Fast*., VI:295).

[57] В финском мифе сгустки сотворенного богами пламени упали в море, где их проглотил лосось — а затем огонь открыли для себя поймавшие эту рыбу люди (*Runen*, 6—22).

[58] Philostrat., *Heroic*., 740; Welcker, *Trilogie*, 247, 248.

[59] *Acta sanctor*.(Febr.), 112[b].

девять спиц: «thet niugenspetze fial» [колесо с девятью спицами] упоминается во фризских законоуложениях; девять дубовых осей, трение которых о ступицу производило огонь, тоже символизируют девять исходящих из ступицы спиц; то же священное число фигурирует в упоминаниях о девяти видах древесины, о девяти и девятижды девяти мужчинах. Очевидно, что подожженное колесо становилось ядром и средоточием священного, очищающего жертвенного огня. В наших вейстумах (*Weisthümer*, II, 615, 616, 693, 697) описывается еще один интересный обычай: на большом ежегодном суде *тележное колесо*, на протяжении шести недель и трех дней лежавшее в воде (или в отстойнике), устанавливали в огне перед судьями, и пир продолжался до тех пор, пока ступица (которую не вращали и не двигали) не обращалась пеплом. Я полагаю, что это пережиток языческого жертвенного пира, и колесо изначально должно было использоваться для добывания огня — в источниках, впрочем, об этом не упоминается. В любом случае это важный пример использования тележного колеса вместе с праздничным огнем.

В большинстве источников добывание живого огня связывается с распространением инфекций среди скота, но кое-где прямо говорится и иное: что обряд этот совершался *ежегодно в определенные дни* (в первую очередь — в Иванов день), когда скот проводили сквозь пламя, чтобы защитить его от будущих болезней. Такая практика упоминается у Николая Гризе (Gryse (Rostock, 1593), S. LIII[a]): jegen den avend warmede men sik bi s. Johannis lod und *nodfüre*, dat men ut dem holte sagede, solkes für stickede men nicht an in gades, sondern in s. Johannis namen, löp und rönde durch dat für, dref dat vehe dardorch, und is tusent frouden vul gewesen, wen man de nacht mit groten sünden, schanden unde schaden heft to gebracht [к вечеру люди согревались пламенем св. Иоанна и *живым огнем*, который добывали трением из дерева и зажигали не во имя бога, а во имя св. Иоанна; через этот огонь бегали и перепрыгивали, *через него водили скотину*, а проведя ночь в великих грехах, вредя себе и позорясь, преисполнялись тысячей радостей].

Ежегодность этого праздника подтверждается и лемносским культом, и, особенно, — кельтским[60]. Живой огонь зажигали на больших всенародных собраниях. У кельтов таковые проводились в мае и ноябре; главный день года всегда был в мае, чаще всего это было первое мая, но иногда второе или третье. По-ирландски и по-гаэльски этот день называется *la bealtine* или *beiltine*; еще это название пишется как *beltein*, что искажено до *belton*, *beltim*, *beltam*. Lá значит «день», teine, tine — «огонь», a beal, beil — это имя кельтского бога света, никак не связанного с азиатским Баалом[61]. Ирландский *Beal*, *Beil*, гаэльский *Beal* на валлийском диалекте зовется *Beli*, а его древнекельтское имя *Belenus*, *Belinus* упоминается у Авсония, у Тертуллиана и во множестве инскрипций (см. Forcellini,

[60] Хайд отмечает, что персы-зороастрийцы [Guebern] тоже разжигали ритуальный огонь ежегодно.

[61] *Bel*, *Bal* в Isid., *Etym.*, VIII, 23.

статья «Belinus»). Современный Бельтайн так описан в Armstrong, статья «bealtainn»: in some parts of the Highlands the young folks of a hamlet meet in the moors on the first of may. They cut a table in the green sod, of a round figure, by cutting a trench in the ground of such circumference as to hold the whole company. They then kindle a fire and dress a repast of eggs and milk in the consistence of a custard. They knead a cake of oatmeal, which is toasted at the embers against a stone. After the custard is eaten up, they divide the cake in so many portions, as similar as possible to one another in size and shape, as there are persons in the company. They daub one of these portions with charcoal until it is perfectly black. They then put all the bits of the cake into a bonnet, and every one, blind fold, draws out a portion. The bonnetholder is entitled to the last bit. Whoever draws the black bit is the devoted person, who is *to be sacrificed to Baal, whose favour they mean to implore in rendering the year productive*. The devoted person is compelled to *leap three times over the flames* [кое-где на Северо-Шотландском нагорье деревенская молодежь первого мая собирается на болотах. В зеленой дернине они вырезают столик округлой формы, делая на земле борозду такого размера, чтобы все собравшиеся туда поместились. Затем они разжигают огонь и ставят на стол блюдо из яиц и молока, густое, как заварной крем. Они замешивают пирог из овсянки, который затем выпекают на разложенных на камне углях. Доев крем, они разрезают пирог на столько частей, сколько собралось людей, стараясь при этом делать куски насколько возможно одинаковыми по форме и равными по размеру. Один из кусков пирога натирают углем так, чтобы он стал совершенно черным. Все куски затем кладут в шляпу, и каждый тянет свою порцию вслепую. Хозяин шляпы тянет последним. Кто вытянет черный кусок, тот становится посвященным, и его нужно *принести в жертву Баалу, к благосклонности которого взывают, чтобы год стал урожайным*. Посвященного заставляют *трижды перепрыгнуть через огонь*]. Связь с почитанием божества здесь совершенно очевидна: как можно понять по прыжкам через огонь, главной целью ритуала было выбрать человека, который должен будет умиротворить и умилостивить бога; позднее, скорее всего, вместо человека в жертву приносили животное, а в новые времена на смену всесожжению плоти пришли прыжки через огонь. Добывание священного огня трением здесь не упоминается, но, учитывая, что этот способ считался единственно возможным для ритуалов, связанных с живым огнем и избавлением от болезней, великий ежегодный праздник, скорее всего, тоже подразумевал именно такую процедуру.

Самое раннее упоминание о Бельтайне можно найти у Кормака, архиепископа Кашельского (†908). На этом празднике зажигали два костра друг около друга: считалось, что и животное, и человек исцеляются, невредимыми проходя между этих огней. Отсюда — такое выражение, как «itir dha theinne beil» (между двух огней), означающее большую опасность[62]. Жертвоприношения обязательно

[62] *Transact. of irish acad.*, XIV, 100, 122, 123.

возглавляли жрецы, в чем заверяет нас Дж. Ашер (Usher, *Trias thaumat.*, 125), говоря об Эвине: lege etiam severissima cavebatur, ut omnes ignes per universas regiones ista nocte exstinguerentur, et nulli liceat ignem reaccendere nisi prius Temoriae (холм Тигмора [Tighmora], упоминаемый у Оссиана) *a magis rogus sacrificiorum exstrueretur*, et quicunque hanc legem in aliquo transgrederetur non alia mulcta quam capitis supplicio commissi delicti poenam luebat [существовал строгий закон, предписывающий тушить в эту ночь все огни во всем регионе: никому не позволялось разжигать огонь, пока в Темории [на холме Тара] *маги не воздвигнут жертвенный костер*, и если кто-то каким-либо образом преступал этот закон, то искупал он это преступление своей жизнью][63].

Г. Лео (Leo, *Malb. Gl.*, I, 35) разумно противопоставляет Бела (*Beal*, *Bael*) как бога войны и Сиге (*Sighe* или *Sithich*) как бога мира; имена Белловез [Bellovesus] и Сиговез [Sigovesus], встречающиеся у Тита Ливия (Livius, V, 34), Лео объясняет как «служитель Бела» и «служитель Сиге» (vesus = гаэльское uis, uais — minister [служитель]), связывая с богом мира и слово *sighe* — название тихого и доброжелательного народа эльфов (см. I, 742): Белу посвящались майские костры (*bealtine*), а Сиге — ноябрьские (*samhtheine*, «огни мира»). В Уэльсе священный огонь тоже зажигали на 1 мая и 1 ноября, но там оба ритуала носили название *coelcerth* [22].

Я не уверен, что все выводы Лео верны, однако совершенно очевидно, что *Бела* действительно считали божественным существом, а почитание его, вероятнее всего, распространилось не только у кельтов. В I, 470 я сравнивал Бела с германским Фолем, и в этом смысле исключительно важен такой факт: в прирейнских регионах Германии отмечался праздник под названием *Pfultag*, *Pulletag*, который тоже выпадал на второе мая[64]. Мы знаем, что у наших предков начало мая считалось большим праздником и по-разному отмечалось; в этот день, что неопровержимо, горели языческие жертвы, и до сих пор считается, что в это время собираются ведьмы, то есть полубогини и феи былых времен. *День Фоля* [Pholtag] тождественен *Бельтайну*[65] — отметим, кроме того, что по-саксонски Пальтар звался *Бальдагом* [Baldag] (см. I, 470).

Стоит ли полагать, что после обращения в христианство германские «майские костры», дабы объединить их с новой культовой практикой, стали жечь на Пасху и в день святого Иоанна? Или же напротив — языческое почитание солнцестояния было настолько глубоко укоренено в народе, что праздник Пасхи специально подогнали к тому же времени? Йоль, праздник зимнего солнцестояния, у германских язычников отмечался так же, как и ноябрьские праздники у кельтов.

---

[63] Ср. со сведениями в Mone, *Gesch. des Heidenth.*, II, 485.

[64] *Weisth.*, II, 8; III, 748.

[65] В Англии первого мая воздвигают так называемый *maypole* — название это, скорее всего, связано со словом pole, palus, древнеанглийским pol [шест], но и возможную связь с именем Pol, Phol тоже не стоит отбрасывать.